

**ЭТОТ ДЕНЬ
МЫ ПРИБЛИЖАЛИ,
КАК МОГЛИ...**

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

“МОГИЛЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

им. А. А. КУЛЕШОВА”

**ЭТОТ ДЕНЬ
МЫ ПРИБЛИЖАЛИ,
КАК МОГЛИ...**

**Сборник воспоминаний
участников
Великой Отечественной войны**

**Могилев
МГУ им. А. А. Кулешова
2003**

УДК 947.084.8
ББК 63.3(2)622.78
Э92

Рецензент
кандидат исторических наук, доцент
МГУ им. А.А. Кулешова
В.В. Борисенко

*Печатается по решению редакционно-издательского
и экспертного совета МГУ им. А. А. Кулешова*

Этот день мы приближали, как могли...: Сборник воспо-
э92 минаний участников Великой Отечественной войны. – Мо-
гилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 92 с.: ил.

Сборник включает воспоминания участников Великой Отечествен-
ной войны – преподавателей и сотрудников университета.

Адресован широкому кругу читателей, прежде всего, кураторам ака-
демических групп, воспитателям, студенческому активу, всем тем, кто
интересуется историей и ведет воспитательную работу со студенческой
молодежью.

УДК 947.084.8
ББК 63.3(2)622.78

© Коллектив авторов, 2003
© Учреждение образования
МГУ им. А. А. Кулешова, 2003

Люди!

*Покуда сердца стучатся, –
помните!*

*Какою ценой завоевано счастье, –
пожалуйста, помните!*

Р. Рождественский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Готовясь отметить 60-летие освобождения Могилевской области от немецко-фашистских захватчиков, нынешняя молодежь отдает дань глубокого уважения тем, кто обеспечил победу в ходе Великой Отечественной войны, а после ее завершения отдавал все силы восстановлению нашего государства, обучал молодое поколение в стенах нашего института, а в последствии университета им. А.А. Кулешова.

Шестьдесят лет – не шестьдесят дней: выросло уже три поколения людей, сменились политические лидеры, изменилась и судьба когда-то единого государства – СССР. На карте мира появилось много новых государств, возникших после распада Союза.

Но есть память, порой затертая безликими строчками в учебниках истории, и все-таки живая, поскольку среди нас еще живут участники и очевидцы событий тех времен.

Многие преподаватели и студенты нашего института принимали активное участие в борьбе против немецко-фашистских оккупантов на фронте и в тылу врага, за что были отмечены различными наградами Родины. Так, например, пулеметчик Жмуровский Д.П., артиллерист майор Данилюк Л.С., летчик майор Рябчевский М.Ф. удостоены звания Героя Советского Союза.

На фронтах Великой Отечественной войны мужественно сражались директор института М.К.Кириллов, преподаватели М.А. Станкевич, Ф.К. Казаков, М.З. Козаренко, М.Д. Рыбочкин, М.М. Петрович, С.Н. Василенок, студенты П.Ф. Непалушев, М.А. Мельников, П.Р. Лихачев, Г.Х. Евменова, В.М. Карпинская и ее дочь Татьяна, М.К. Базылева и многие другие. Студенты и преподаватели приближали нашу общую победу над врагом. После окончания войны многие из них учились и работали в университете, где учили своих студентов на лучших

традициях отечественной и мировой истории и достижениях мировой педагогической науки и философских школ.

Большой вклад внесли в развитие института, а в последующем университета, в послевоенный период бывшие участники войны: И.П. Ларченко, К.П. Петров, Н.С. Ратобильский, М.Г. Лысенко, В.С. Лукошко, К.П. Шилко, Н.И. Годун, Г.Ф. Мешков, В.Ф. Базылев, М.М. Синявский, М.В. Барановский, Я.К. Усков, П.Я. Юргилевич, П.А. Лярский, В.Н. Пушева, А.М. Вирковская, С.И. Фоменко и др.

Мужество и героизм, проявленные на фронтах Великой Отечественной войны, в партизанских отрядах, подпольных группах, свидетельствуют о том, что МГУ им. А.А. Кулешова воспитал стойких и преданных своей Родине дочерей и сыновей.

Сборник воспоминаний наших преподавателей и сотрудников, несомненно, послужит воспитанию нынешней молодежи в духе любви и преданности Родине.

В.И. Попов,
проректор Могилевского государственного
университета им. А.А. Кулешова

ВСЕМ СМЕРТЯМ НАЗЛО

Михаил Михайлович Синявский с 26.12.1962 г. по 31.08.2001 г. работал в Могилевском государственном университете им.А.А.Кулешова.

Прошел путь от преподавателя кафедры анатомии и хирургии до профессора кафедры основ медицинских знаний.

В 1997 – 2002 гг. возглавлял Совет ветеранов МГУ им.А.А.Кулешова.

На мою долю, как и на долю большинства моих сверстников, выпали тяжелые годы Великой Отечественной войны. Более полувека прошло с той поры, но память бережно хранит все то, что пережил наш народ и каждый его представитель в эти сложные годы тяжелейших нравственных, экономических и социальных потрясений.

*“Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...”*

Эти слова известной песни как нельзя лучше отражали ту обстановку, то настроение, которое овладело советским народом после известия о начале войны. Вся огромная советская страна – от мала до велика – вела борьбу с фашистской нечистью на фронтах и в партизанских отрядах, на колхозных полях и у заводских станков. И у каждого из моих ровесников был свой путь, своя дорога войны.

Я сражался на фронтах в составе 22-й дивизии РК в качестве автоматчика, артиллериста, топовычислителя, разведчика.

Дивизия, в которой служил, была предназначена для прорывов на 1-м и 2-м Белорусских фронтах, и поэтому нам часто приходилось участвовать в ожесточенных боях с противником. Сколько полегло в этих боях моих однополчан, сколько молодых ребят погибло в самом расцвете молодости!.. Дважды я был засыпан землей при разрыве снарядов и мин, считался пропавшим без вести. А какое потрясение пережила моя мать (отец тоже был на фронте), получив известие о смерти сына?! Такие случаи бывают не только в кино и книгах, но и в реальной жизни. И все-таки я выжил, выжил, всем смертям назло.

Меня обнаружили при наступлении, подлечили – и снова в бой! Эпизоды кровопролитных боев и сражений мелькают, как картинки в калейдоскопе. Все силы бойцов были направлены только на победу, на освобождение родной земли от немецко-фашистских захватчиков. И воевали мы, не щадя своей жизни. Я участвовал в форсировании рек Висла и Одер. Во время боев при освобождении Варшавы получил контузию. Участвовал в освобождении ряда городов и концлагерей в Польше и Германии. Штурмовал Берлин, участвовал в уличных боях, расписался на рейхстаге.

Войну окончил в г. Эрфурте. Имею 9 правительственных наград и 8 благодарностей Верховного Главнокомандующего.

И, может быть, потому, что на фронте каждый день смотрел смерти в лицо, что потерял на войне много боевых товарищей, я решил посвятить свою жизнь самой мирной профессии – профессии врача. В 1946 году после демобилизации поступил в Минский медицинский институт

и с 1951 года работал хирургом в разных лечебных учреждениях страны. В 1968 году успешно защитил кандидатскую диссертацию по восстановительному лечению больных, страдающих многолетними трофическими язвами. Разносторонние научные и клинические исследования нашли отражение в более чем 80 опубликованных работах. Все это позволило сочетать работу хирурга с преподавательской деятельностью на кафедре основ медицинских знаний Могилевского пединститута им. А.А. Кулешова (ныне университета).

Вся моя жизнь – от солдата до хирурга – была отдана людям.

УШЕЛ НА ФРОНТ МАЛЬЧИШКА

Михаил Григорьевич Лысенко работал в МГУ им. А.А. Кулешова с 1.09.1969 г. по 30.09.1991 г. доцентом кафедры марксизма-ленинизма, и.о. директора Могилевского педагогического института, заместителем директора института, доцентом кафедры истории КПСС и научного коммунизма, заведующим кафедрой истории КПСС, доцентом кафедры политической истории.

Время вносит изменения в восприятие нашей жизни. Сегодняшние студенты с высоты прожитых лет кажутся мне еще детьми, которые требуют внимания и помощи. Но более полувека тому назад 18 – 20-летние юноши были взрослыми, многое увидевшими и перенесшими людьми. Таким жестким фактором взросления выступила Великая

Отечественная война. Моя судьба – это судьба сотен тысяч моих ровесников.

Свой боевой путь я начал в неполные 17 лет, когда 7 ноября 1943 года добровольцем ушел в Красную Армию. Был направлен в запасной полк, который базировался в г. Мельякее Ульяновской области. Здесь до мая 1944 года проходил курсы минометчиков, по окончании которых был направлен на 2-й, затем 1-й Белорусский фронт.

Первоначально нас разместили в районе Кричева, где мы продолжали обучение – изучали немецкое оружие, тактику ведения боя. К июню 1944 года мы были переброшены в район Славгорода, где находились до вступления советских войск на территорию Беларуси.

С подходом основных сил мы влились в 153-й стрелковый полк Краснознаменной Смоленской дивизии. Здесь произошло мое боевое крещение – в качестве 2-го номера пулеметного расчета в составе 3-го батальона.

22 июня 1944 года началась знаменитая операция “Багратион”. Наша дивизия была сразу же брошена на прорыв в направлении Могилева. Встречая упорное сопротивление противника, наши войска прорвали фашистскую оборону и развернули наступление, продвигаясь в сутки по 10 – 15 км. Вскоре мы вышли к Днепру, который форсировали на плотах между Могилевом и Шкловом. Облегчала нам переход здесь слабая немецкая оборона. Потом мы вышли на шоссе Могилев – Минск. Немецкие войска отступали, ведя арьергардные бои.

Около р. Березина случилась любопытная история. Пулеметный и стрелковый взводы получили задание обследовать деревушку, где находились полицейские склады. Однако, перейдя через небольшую речку, солдаты напали на засаду – оказалось, что в деревне были немцы. Несколько человек было ранено, и взводы отступили,

оставив за рекой пулеметы. Решено было ночью вернуть — ся и забрать их. До ночи мы затаились, а к вечеру у себя за спиной обнаружили... колонну немцев. Мы спешно при — готовились к обороне, но это оказались пленные.

После окружения немцев под Минском наша дивизия была брошена на запад в направлении Неман — Лида — Гродно. По завершении серьезных боев за Гродно начали наступление в Восточную Пруссию. Наша дивизия и 11-й кавалерийский корпус попали в окружение, однако нам удалось быстро вырваться из него и развернуть наступ — ление в направлении германской границы. В районе Ав — густовских лесов фронт стабилизировался. Войска зак — репились у г.Августова.

Навсегда остались в моей памяти тяжелые и кровопро — литные бои в Восточной Пруссии, где я потерял правую руку во время одного из артиллерийских обстрелов.

За участие в боевых действиях в годы Великой Отече — ственной войны я был награжден Орденом Красной Звезды и Орденом Отечественной войны I степени, а также двумя медалями “За Отвагу”.

Я РОДИЛСЯ, ЧТОБЫ ЖИТЬ

Петр Васильевич Габрусев рабо — тал в МГУ им.А.А.Кулешова с 3 июня 1971 года по 7 июня 1977 года лабо — рантом кафедры начального обуче — ния и психологии, заведующим кан — целярией, старшим инспектором от — дела кадров, начальником штаба гражданской обороны.

По призыву комсомола в 1939 году я поступил в военное инженерное училище г. Борисова и был зачислен курсантом в 13-ую роту. После начала войны мы оказались в составе 3-ей армии 283-ей стрелковой дивизии. В мои обязанности входило минирование полей, дорог, мостов, по которым должен был двигаться противник.

Вспоминаю, как на одном участке обороны саперами было заминировано поле. Подошли немецкие танки и стали подрываться. Наша артиллерия расстреливала остановившиеся машины. Немцы были вынуждены отступить и прекратить наступление. Всего было тогда подбито 34 немецких танка. Это было в самом начале войны. И то, что было приостановлено движение немецких войск на восток, имело огромное значение. Наши воины воспряли духом, увидели, что немецкие танки не являются непобедимыми. Однако нам все равно пришлось отступить, а некоторые из частей оказались в окружении. И вынуждены были с тяжелыми боями пробиваться к своим.

Первое ранение я получил при минировании моста у деревни Михайловское 6 декабря 1941 года. Это случилось после завершения работ. Осколки в груди до сих пор не дают забыть этот день. В госпитале пробыл до мая 1942 года, и снова в строй.

Второй раз был ранен осколками собственного взрывного устройства при минировании очередного моста. Времени было мало, танки противника подошли близко, я торопился и до взрыва моста не успел спрятаться за укрытие. И об этом ранении мне напоминает осколок в области сердца 1,3 x 1,2 см. Это было в июле 1943 года.

На войне надо было всегда быть выдержанным, проявлять смекалку и не бояться показаться трусом, убегая от налетевших самолетов. Ведь мертвый ты уже не принесешь никому пользы. Однажды, перевоза 3 тонны

взрывчатки, мы попали под бомбежку. Я бежал по полю, а самолет противника приближался ко мне. Мне пришлось маневрировать, чтобы не попасть под немецкие пули. Спасло же меня то, что я успел добежать до дуба, одиноко растущего в поле. За ним я и спрятался. Немецкий пилот не унимался и раз за разом пытался подлететь так, чтобы добраться до меня. Когда же расстрелял все патроны, ему ничего не оставалось делать, как погрозить мне кулаком. В ответ я сделал то же самое.

В июне 1944 года шли бои за освобождение Беларуси под кодовым названием "Багратион". Я участвовал в освобождении Гомеля, 2 раза форсировали реку Свислочь. Затем пошли дальше на Запад в Польшу. В г.Люблине освободили лагерь смерти, где немцы сжигали людей живыми. Но перед смертью волосы для чего-то обстригали, их набралось 2 вагона. Комендант и три помощника были взяты в плен, а затем расстреляны. И снова ранение и контузия – подорвался на mine.

После выписки из госпиталя был направлен в 17-ую инженерно-саперную бригаду 84-ого батальона. С этим батальоном штурмовал крепость "Кюстрин" на реке Одер. Захватили плацдарм на западном берегу, форсировали реку, построили мост. При форсировании реки я два раза тонул, но спасибо моим товарищам, которые спасли меня. Далее наш батальон передали 150-ой стрелковой дивизии, которая штурмовала Рейхстаг. Мои солдаты и я участвовали в штурме. Бои шли очень тяжелые. Было много убитых и раненых. Все они награждены орденами. Когда захватили резиденцию Гебельса, нас поразил масштаб подготовки к блокаде, если бы она случилась. Целый этаж был занят винами, шампанским, спиртом. Второй этаж отводился под продукты. Все было в виде консервов отличного качества. Третий этаж был занят одеждой. Еще три этажа

отводились под конференцзал, столовую, спальни для раб—
ботников СС. Здесь можно было жить 100 лет, ни в чем не
нуждаясь.

В подвалах Геринга было все забито награбленным:
картинами, драгоценностями. При этом штурме мне про—
стрелили фуражку в трех местах – снова я был на волосок
от смерти.

После войны мы демонтировали военные заводы и все
оборудование отправляли в СССР.

Таковыми были мои военные годы, о которых я вспоми—
наю с болью в сердце.

БОЕВОЕ ПРОШЛОЕ

*Григорий Филиппович Мешков
работал в Могилевском государ—
ственном университете им.А.А.Ку—
лешова с 10.09.1973 г. по 30.06.1990 г.
ассистентом кафедры истории
КПСС и научного коммунизма, ас—
систентом кафедры теории социа—
лизма.*

Я родился в 1922 году в д. Лозы Спасс-Деменского
района Смоленской области. Детство и юность прожил в
г. Москве и там окончил среднюю школу.

В 1940 году призван в армию и служил в г. Иркутске в
пехоте Забайкальского военного округа в качестве рядо—
вого пулеметного взвода.

В мае 1941 года дивизия, в которой я служил, была пе—
ребазирована ближе к западной границе СССР и распо—
ложилась у ст. Рада, около Тамбова.

Мы, красноармейцы, интуитивно чувствовали приближение войны и морально уже готовили себя к ней.

27 июня наша дивизия по тревоге была размещена в эшелоны и переброшена в Смоленском направлении. Она заняла предназначенный ей участок обороны. Именно здесь прошло боевое крещение меня как солдата.

Вскоре я был отправлен в г. Мичуринск. Специальной комиссией был зачислен в кавалерийское военное училище, которое успешно закончил в апреле 1942 года и получил звание лейтенанта.

В это время меня направляют в распоряжение Военного Совета Западного Фронта для пополнения корпуса генерала Белова, который находился тогда в глубоким тылу немецких войск. Я был назначен командиром минометного взвода стрелкового полка и участвовал в боях у ст. Фаянсовая Кировского района, Смоленской области.

Спустя некоторое время меня назначают помощником начальника штаба минометного батальона, а затем и начальником штаба.

В августе 1942 года в составе части батальон был перебросен на Калининский фронт и получил задание участвовать в освобождении г. Зубцова на месте впадения реки Вазуза в реку Волга.

В задачу дивизии входило: освободить г.Зубцов, перерезать железную дорогу Вязьма – Ржев и тем самым не допустить переброску фашистских войск с Ленинградского фронта на Сталинград.

Именно здесь я и мои сослуживцы впервые познакомились с грозным советским оружием – “Катюшей”. Воинские части, в которых я служил, достойно справились со своей задачей и корпус генерала Белова был освобожден.

За проявленную смелость и умелое управление батальоном я был награжден орденом Красной Звезды.

Я был назначен начальником штаба стрелкового батальона и принимал участие в прорыве блокады Ленинграда на Волховском фронте в составе дивизии.

18 января 1943 года после соединения с войсками Ленинградского фронта я был назначен командиром сводного батальона. В районе Синявских высот во время боевых действий был тяжело ранен и пролежал до августа 1943 года.

После излечения направлен начальником штаба стрелкового батальона в 225-й армейский запасной полк 54-ой армии III Прибалтийского фронта, где занимался подготовкой кадров для фронта. В декабре 1944 года был направлен начальником штаба стрелкового батальона в 3-ю запасную стрелковую дивизию в г. Полоцк Белорусского Военного округа, где встретил радостную весть о победе.

Что я могу сказать о боевом прошлом?

Я и все мои товарищи по оружию во время войны не задумывались о героизме своих поступков. Мы выполняли свой воинский долг по защите любимой Родины от безжалостного врага, а это, наверное, и есть настоящий подвиг.

Чувство жгучей ненависти к противнику, который тяжельми сапогами топтал нашу родную землю, сжигал милье нашим сердцам деревни и города, мучил стариков, женщин и детей, было намного сильнее, чем любой инстинкт самосохранения, сильнее, чем любой страх.

И именно это чувство помогло советскому народу выжить и совершить настоящий коллективный подвиг, уничтожив "коричневую чуму" фашизма.

ДНИ ДО ПОБЕДЫ

Николай Иванович Годун работал в Могилевском государственном педагогическом институте (ныне Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова) с 27.08.1963 г. по 30.06.1995 г. преподавателем кафедры политэкономии и философии, секретарем парткома института. В настоящее время на заслуженном отдыхе.

Солдатом Красной Армии я стал в начале августа 1944 года. Был призван Несвижским райвоенкоматом Минской области, направлен в 14 запасной стрелковый полк, который находился в гор.Бобруйске и размещался в крепости. Мне пришлось служить в роте "бронбойщиков" (ПТР), на вооружении которой находились противотанковые ружья военных конструкторов Дяттерева и Симонова.

Служба в роте проходила нелегко. Все занятия проводились в полевых условиях, за городом. Отрабатывались марш-броски на 5 – 10 км по пересеченной местности, окапывание и занятие круговой обороны, раз в неделю проводилась стрельба из противотанковых ружей по движущимся целям, в казармы возвращались в 6 – 7 часов вечера.

Военную присягу принял в сентябре, а в конце месяца полк подняли по тревоге, погрузились в вагоны и эшелон тронулся в западном направлении. Все считали, что едем на фронт. Однако, вместо фронта, мы оказались около Минска. Здесь формировался новый артиллерийский корпус РГК (резерв главного командования). Я оказался в 1262 гаубичном артиллерийском полку, во втором дивизионе, во взводе управления, на должности радиотелеграфиста. Началась

новая жизнь. Целыми днями изучали материальную часть радиостанций 13-Р и РБМ, тренировались принимать и передавать на ключе азбуку Морзе. Дни проходили очень быстро и достаточно интересно, все было подчинено дальнейшей жизни в условиях фронта.

В конце ноября наш полк был отправлен на фронт. Как оказалось, прибыли мы на территорию Польши, за Вислу, на магнусhevский плацдарм в 60-ти км южнее Варшавы, захваченный нашими войсками в ходе летнего наступления. Более месяца полк, как и все другие части, готовился к наступлению: тщательно изучался передний край обороны противника, велась пристрелка целей в обороне немцев, по всему чувствовалось, что мы готовимся к решительному наступлению.

Хочу рассказать о таком эпизоде из жизни в обороне. Первые дни, находясь на передовой, особенно не обращали внимания на непрерывный обстрел противником наших позиций, ходили по траншее почти не пригибаясь. Но вот однажды вечером, когда старшина прибыл с ужином, мы на бруствере расположились кушать. Вдруг один наш солдат душераздирающим голосом закричал и кубарем скатился в траншею, а мы все за ним. Оказалось, что он разрывной пулей был тяжело ранен. Этот случай послужил нам уроком и мы в дальнейшем стали более осторожными (соблюдали маскировку).

14 января в 5 часов утра началась мощная артподготовка. Каждое орудие произвело до сотни выстрелов, стволы орудий накапились до предела. Казалось, что в обороне противника вся земля взрывами снарядов перевернута, ничего не осталось живого. Наша пехота поднялась в атаку. Мы вместе с ней захватили первую, вторую, а затем и третью траншею немцев. Передний край их обороны был взломан, началось их паническое отступление: бросали

орудия, бронетранспортеры, танки, машины, военное снаряжение, было захвачено немало пленных.

Конечно, на первом этапе нашего наступления противник оказал ожесточенное сопротивление, особенно дальнебойная артиллерия и шестиствольные минометы вели непрерывный огонь по наступающим войскам. Авиация в этот день с обеих сторон не могла быть задействована, так как день был пасмурный, с сильной облачностью.

В ходе дальнейшего нашего наступления были освобождены многие польские города и села (Лодзь, Конин, Коло и др.). Поляки с радостью встречали нас, благодарили за освобождение от фашистов.

Нашему полку пришлось задержаться в городе Познани. Сам город наши войска взяли довольно быстро, хотя враг ожесточенно сопротивлялся. Но в Познани имелась цитадель (крепость), в которой укрылись остатки разбитых частей с огромным количеством вооружения и боеприпасов. Выбить их можно было только при помощи артиллерии и авиации.

Орудия нашего полка (120 мм) и более тяжелая артиллерия выдвигались на прямую наводку, т.е. орудия наводились прямо на цель. Это объясняется тем, что стрельба орудий из закрытых огневых позиций не давала желаемого эффекта.

Наш дивизион занимал сектор обстрела цитадели с северной стороны. Однако выдвинуть орудия на прямую наводку мешали т.н. "Красные казармы" (они так назывались потому, что сделаны из красного кирпича). Они находились от цитадели на расстоянии 500 – 600 м. Все попытки выбить немцев из этих казарм не увенчались успехом. Немало наших солдат и офицеров при атаках сложили свои головы.

На помощь пришел житель Познани, который сообщил, что знает тайный ход, ведущий к этим казармам, и может провести наших солдат. Командир пехотного полка и наш

незамедлительно сформировали штурмовую группу из 80 человек. В ней пришлось участвовать и мне. Провели тщательную разведку и под покровом ночи группа по указанному ходу ворвалась в казармы. Было захвачено в плен около 40 человек, а те, кто оказывал сопротивление, были убиты. Все участники штурмовой группы были награждены орденами и медалями (Я был награжден медалью “За отвагу”).

В начале марта 1945 года наш полк оказался на немецкой территории. Здесь, на левом берегу р.Одер, южнее г.Кюстрина, нашими войсками был захвачен небольшой плацдарм, с которого в апреле 1-ый Белорусский фронт начал наступление на Берлин.

На этом плацдарме наш дивизион провел не одну боевую операцию по его расширению и углублению. Особенно запомнились мне бои за пригород г.Кюстрина Киту, за населенные пункты Рошток и Альттужебанд, за подступы к Зееловским высотам. Враг всячески пытался отбросить наши войска за р.Одер, хотел разрушить дамбы и затопить занятый плацдарм, и тем самым помешать сосредоточению войск для последующего наступления.

Однако осуществить свои замыслы немцам не удалось. Плацдарм в тяжелых боях постепенно расширялся и углублялся. Через р.Одер был наведен понтонный мост, по которому ночью переправлялась боевая техника: танки, самоходные орудия, артиллерия, снаряжение, а также живая сила. К середине апреля все было готово для наступления. Каждый из нас чувствовал, что наступление вот-вот начнется.

Наш дивизион своим огнем поддерживал 101-ый пехотный стрелковый полк 8-ой гвардейской армии, которая наступала непосредственно на Зееловские высоты, правее г. Зеелов. Наступление началось в 4 часа утра 16 апреля. Впервые весь передний край противника был освоен мощными прожекторами, началась мощная

артиллерийская подготовка, после чего в бой вступила авиация, особенно штурмовая. Оборона противника была прорвана. Мне особенно запомнились пленные, они все были деморализованы, подавлены. При взятии в плен бросали оружие и повторяли “Гитлер капут”, “Гитлер капут”.

Необходимо отметить, что во время наступления связь с огневыми позициями преимущественно осуществлялась по радиостанциям. Телефонисты просто не успевали за быстро наступающими войсками прокладывать телефонные линии. Кроме того, на линиях были частые порывы, так как огромное количество техники, людей были сосредоточены на небольшом пространстве. Хорошо помню один бой на Зееловских высотах. У небольшой железнодорожной станции противник открыл мощный артиллерийский огонь. Мы залегли. Разведчики тут же доложили, что за строениями станции расположены две немецкие батареи, которые и ведут огонь.

Командир дивизиона (капитан Лушков) тут же подготовил исходные данные для стрельбы наших 16-ти орудий, я по радиации передал их на огневые позиции и шквал огня обрушился на головы фашистов. Пехота вновь пошла в атаку. За участие в боях на Одрском плацдарме я был награжден орденом “Отечественной войны II степени”.

Неизгладимый след в памяти оставили бои при взятии Берлина. Гитлеровцы задолго до нашего наступления подготовили город к обороне (были построены железобетонные доты, дзоты, противотанковые рвы и надолбы, дома превращались в опорные точки для стрельбы снайперов и фаустпатронами), но все это уже не могло сдержать наступление Красной Армии. Враг сдавал один квартал города за другим.

Наш полк, форсировав канал Темпельгоф, действовал в направлении парка Тиргаритен. Орудия батарей были выведены на прямую наводку, в уличных боях огневые

расчеты несли большие потери людей. Расчеты пополнялись разведчиками, радистами, телефонистами и др. Следует сказать, что в эти дни все солдаты и офицеры были объединены одним общим духовным порывом: скорее добить фашистскую гадину, дни которой уже были сочтены.

Утро 2 мая выдалось пасмурным, накрапывал маленький дождик, а в городе стояла необычная тишина: не слышно стало ни винтовочных, ни пулеметных, ни оружейных выстрелов. Прошел слух, что немцы капитулировали... И действительно, к 8-ми часам утра на улицах появились колонны пленных немцев, солдат и офицеров, сопровождаемые нашими автоматчиками. Так закончилось сражение за столицу фашистской Германии. Знамя Победы было водружено над Рейхстагом. Считанные дни оставались до полной Победы над гитлеровской Германией.

ТЯЖЕЛЫЕ ГОДЫ ВОЙНЫ

Петр Алексеевич Лярский – один из известнейших в Беларуси ученых-географов – 55 лет проработал в Могилевском государственном университете имени А.А. Кулешова.

Прошел путь от старшего преподавателя до доцента кафедры. По учебникам Лярского в последние 30 лет школьники учились в начальной и средней школе. А учебник "Землеведение и краеведение" и сегодня успешно используется в подготовке будущих учителей начальных классов.

Сегодня Петр Алексеевич активно занимается научной деятельностью.

В начале войны

Я был призван в армию в ноябре 1939 г., определен в 141-ый стрелковый полк 85-й стрелковой дивизии. За время службы воинская часть сменила 9 мест своей дислокации. Дважды направлялась на финский фронт. Первый раз — спустя месяц после призыва. Специальная комиссия наркомата обороны, инспектируя часть, нашла солдат не подготовленными к боевым действиям, вернула на зимние квартиры (в г. Курган). Второй раз — в начале марта 1940 г. Из Кургана форсированным маршем добрались чуть ли не до Ленинграда и остановились: с финнами заключен мир.

Летом 1940 года полк подошел к латвийской границе, но в пределы Латвии ушли другие армейские части, мой полк передислоцировался в Плещеницы (районный центр в 80 км к северу от Минска), где простоял до 8 мая 1941 г. В этот день полк отправили в г. Гродно — пешком и только ночью, 353 км за 10 ночей.

Расположились в окрестностях Гродно (как помнится, у р. Солы). Поселились в палатках на 12 человек.

Я служил в подразделении 82 мм минометов, был первым номером расчета (готовил данные для стрельбы и наводил миномет на цель).

В конце мая началась подготовка к армейскому смотру художественной самодеятельности. В смотре принял участие и я. Читал Маяковского “Во весь голос”. Был рекомендован на армейский смотр (в районе Гродно дислоцировалась 3-я армия).

— Когда состоится армейский смотр? — спросил у майора, председателя жюри.

— 30 июня, — ответил он. И добавил, — Если все будет спокойно.

“Если все будет спокойно”, — эта фраза отпечаталась в сознании на всю жизнь. Приближение войны чувствовалось,

было заметно по ряду признаков. Нам было приказано рыть учебные окопы только в сторону противника, т.е. на запад. Где-то в 10-х числах июня ночью полк был поднят по тревоге и марш-броском достиг рубежа на высоком берегу небольшой реки, на котором, на случай войны, должен был держать оборону. Однажды, находясь на вершине одного из холмов, где были занятия, мы наблюдали, как над нами на большой высоте кружат два непривычных для нас по форме самолета. Посмотрев в бинокль, ясно увидел на крыльях кресты. Говорю ребятам: “Немецкие самолеты”.

– Ну, ты это брось. Если бы это было так, наших ястребов тут был бы добрый десяток.

– Посмотрите сами, – предложил я. И они увидели кресты. 21 июня поздно вечером ко мне пришел комроты и спросил, в порядке ли матчасть. Какая-то неисправность у моего миномета была.

– Срочно отнеси в мастерскую.

– Но ведь уже 10 часов вечера.

– Неважно. Отнеси.

Отнес. К 4 часам утра миномет был отремонтирован. Выходит, мастер работал ночью. Выходит, командование знало даже день начала войны. И еще одна деталь: за один-два дня до начала войны в районе нашего лагеря были установлены зенитные батареи.

22 июня, ровно в четыре часа, как поётся в известной песне, по нашему лагерю ударила дальнобойная артиллерия. Граница находилась в 27 км от Гродно. Сразу была объявлена боевая тревога. Я бросился за минометом, ездовые – за лошадьми и повозками. Моментально погрузили боеприпасы (мы на них спали – еще одно доказательство в пользу того, что командованию было известно о времени начала войны) и двинулись уже по известному маршруту.

Поначалу не было понятно: то ли это война, то ли учения, которые придумал тогдашний министр обороны Тимошенко: Он старался учения приблизить к боевой обстановке. И только когда услышали стрельбу зениток по высоколетящему самолету и разрывы снарядов вблизи него, поняли, что свершилось то, что ожидали, к чему готовились. Кстати, несмотря на интенсивный огонь зениток, самолет так и не был сбит. Чуть позже наблюдали скоротечный воздушный бой истребителей — одного нашего и двух немецких. Наш был сбит, камнем полетел вниз и взорвался.

Полк достиг указанного ранее места и занял оборону. Там простояли весь день. Немцы на нашем участке не наступали. Здесь мы наблюдали (другого ничего не могли сделать) налет на Гродно 35 пикирующих бомбардировщиков. При подлете к городу наши зенитки открыли раздражительный огонь, да такой плотный, что немцы повернули обратно. Однако через несколько минут вернулись. Огонь по ним был снова открыт, но безрезультатно. Все самолеты отбомбились без потерь. Вслед за ними прилетела "рама" — двухфюзеляжный самолет — разведчик, хорошо известный всем, кто воевал. Вот тут появились два наших истребителя. "Рама" повернула обратно, но было поздно: четыре пунктира трассирующих пуль, четко видимые с земли, прошили вражеский самолет, и он загорелся. Это был первый и последний случай, когда наблюдал, как наш самолет сбил немца.

Ночью снялись со своих позиций и переместились на другую сторону Гродно, за те высоты, на которых проводили учения, расположились на опушке леса. Утром увидели, что на вершинах наших холмов стоят немецкие тяжелые орудия. Я попытался поразить их из миномета, но сделал только один выстрел. Мина, выпущенная на

максимальное расстояние (3100 м), упала, не долетев до цели 300 – 400 м. Дальнейшая стрельба была бессмысленной. Но немцы мой миномет заметили и открыли огонь. Все, однако, обошлось благополучно, бойцы успели укрыться в окопах.

В конце дня – это было, по-видимому, 23 июня – командование решило организовать наступление на высоты. Мы начали сосредотачиваться на опушке, но не успели закончить маневр, как немцы обрушили на нас шквальный огонь из двух батарей 150 мм орудий. Мое подразделение оказалось в самом пекле разрывов. Понесли первые потери. Несколько человек было ранено, один погиб (сибиряк Рыбаков, осколками снаряда ему проломило каску, вырвало живот). Наступление было остановлено, не успев начаться. Да и решение наступать было неграмотным. Местность перед высотами великолепно просматривалась немцами, все было видно, как на ладони. Вражеские орудия подавить было нечем. Да и какой смысл брать высоты, когда мы уже были в окружении?

Однако, переменяя позиции, полк в районе Гродно пробыл еще день или два, ведя мелкую перестрелку, и только затем начал отход на восток. Шли возле разрушенных и сожженных селений, подвергаясь почти непрерывным бомбардировкам с воздуха. В памяти сохранился образ сгоревшего Новогрудка. Временами попадались наши подбитые танки. Помню один КВ, остановившийся на самой середине Щары, Т-34.

Отступление носило беспорядочный характер. Под влиянием непрерывных бомбежек бойцы, разбегаясь в укрытия, отходили от своих подразделений, рассеивались, назад не возвращались. Перемешивались не только мелкие подразделения одной части, но и полки, дивизии и даже армии. Ни о каком руководстве войсками и речи не могло

быть. До сих пор стоит в памяти картина: огромное поле, по нему по одному, по двое—трое, колонной по одному, толпами отходят красноармейцы. По дорогам идут повозки, запряженные парой, а то и тройкой лошадей. Под влиянием почти непрерывных бомбежек вся эта людская масса перемешивалась еще больше, теряя всякую связь со своими подразделениями и командирами. Тем не менее мой батальон шел более или менее организованно, с нами был комиссар дивизии, были некоторые полковые службы.

Памятна переправа ранним утром через Щару (кажется, в районе Слонима). На пойме валялись немецкие трупы. Их было много. Кто-то рассказал, что накануне немецкая часть расположилась здесь на отдых, солдаты стали купаться. В это время налетела наша кавалерия и изрядно их порубила.

Благополучно переправившись через реку, батальон расположился в небольшом лесу на правом берегу. Сразу же появились вражеские штурмовики, их было более 30. Начали пикировать и сбрасывать бомбы. Я стоял на коленках возле дерева, вертелся вокруг него, наблюдал за штурмовиками, стараясь угадать, где упадет бомба. Дерево меня спасло. После налета я насчитал в нем около десятка осколков. Это была, пожалуй, самая сильная бомбардировка, которую пережил за всю войну.

За все время отступления лишь один раз с нами (бойцами) побеседовал комиссар батальона Ягнюк. Он зачитал "Сообщение ТАСС", в котором говорилось, что войска Киевского военного округа перешли советско-польскую границу и ведут успешные бои в окрестностях Варшавы. Никто из нас этому не поверил. Уповали на старую границу, где должны были быть укрепления. Уж на них—то наши войска должны задержаться и остановить немца.

Но вот и старая граница. Мы подошли к ней в районе ст.Негорелое. Здесь произошел последний бой, в результате которого и наш батальон был рассеян, остатки полка (дивизии?) лишились командира.

А было так.

Раннее утро. Еще не взошло солнце. Небольшая колонна – все, что осталось от дивизии – движется по песчаной дороге. Вдруг – взрыв. Кто-то наступил на мину. Как потом рассказывали очевидцы, пострадало несколько человек, в том числе и комиссар дивизии. Раненого, его оставили в ближайшем селении. Солдаты, усталые и изможденные, продолжали движение. Наш минометный взвод был замыкающим. Миномет был на повозке, в ящике три мины, остальной боекомплект (60 мин) израсходован. Часть его наверняка попала в цель. И вдруг по колонне с разных направлений фашисты открыли пулеметный и орудийный огонь. Комбат развернул батальон и с криками “ура” бросился в атаку, подавил пулеметный огонь противника и ушел. Пушки же продолжали стрелять. Я со своим расчетом установил миномет на ровном поле. Четыре орудия немцев были хорошо видны. Навел миномет и дал команду заряжать. До цели было около 2 км, но мина упала метрах в 200 от нас. За длительную дорогу дополнительные заряды (пороховые пакетики в целлофановой упаковке) отсырели и как следует не сработали. Вторая мина упала, чуть не долетев до цели, третья поразила одну пушку, но оставшиеся три продолжали вести огонь, причем шрапнелью.

Рядом с моим расчетом оказался начальник артиллерии полка. Когда последняя мина была выпущена, он приказал миномет сбросить в расположенный рядом окоп, присыпать землей, что мы и сделали, и всем, кто был поблизости, наступать прямо в сторону пушек. Это было неграмотное решение. Нам следовало бы взять значительно

левее, мы оказались бы в кустах, за которыми был лес. Прицельный огонь немцам было бы вести невозможно. Именно так и сделал комбат с пехотой и довольно быстро вывел бойцов из под обстрела. Мы же шли в лоб, по ржаному полю, были хорошо видны противнику. Беглый огонь из трех пушек шрапнелью накрыл наше подразделение. Атака захлебнулась. Некоторые бойцы были ранены, в том числе я. Кровотечение быстро остановилось, так что обошлось без перевязки, но в течение нескольких дней я сильно прихрамывал.

С этого момента полк как боевая единица перестал существовать. Когда это было? Трудно сказать. Счет времени был потерян. По-видимому, около 10 июля.

Раненых вынесли с ржаного поля и бросили у какой-то опушки. Бойцы стали разбредаться, не слушая командиров, да и командиры не проявляли инициативы. Я остался с командиром минометной роты лейтенантом Чугуновым. По пути напоролся на разбитые машины — немецкие и наши, нашли там кое-что съестное, даже четвертушку водки. Идти было больно. Недалеко паслись оседланные лошади, но седла без кожи. Кто-то помог поймать лошадь и залезть в седло. Однако, как только выехали из укрытия на водораздел, немцы открыли шквальный пулеметный огонь. Пули свистели со всех сторон. Пришлось слезть с лошади и идти, преодолевая боль, пригибаясь. Все обошлось. Но чтобы вновь забраться на лошадь, снова пришлось просить помощь.

В ближайшем лесу остановились. Все, кто хотел еще какой-то организации, подтянулись, собрались, образовав довольно крупный (человек 300) отряд. Многие же, в том числе и красноармейцы нашего взвода, ушли самостоятельно. Лейтенант Чугунов не проявил никакого желания, чтобы их остановить. Отряд возглавил ст. лейтенант, призванный из запаса.

Дождавшись ночи, отправились в поход, кто пешком, кто на лошадях. Перед каждым населенным пунктом останавливались, командир посылал разведку (человека три на лошадях), разведка не возвращалась. Отряд таял. Через трое суток от него мало что осталось. Уходили по — 3—5 человек. Отряд распался. Командир оказался не в состоянии его удержать. Ушли и мы с Чугуновым.

Дело было днем, в лесу. Направление на восток определил по каким-то признакам, и мы двинулись в путь. Дороги не было, лес не очень густой, шли более или менее по прямой. Вскоре к нам присоединился военфельдшер (так он представился), пошли втроем. Все оказались без оружия. Где-то мы его оставили после того, как были истрачены патроны. Подошли к шоссе, залегли, стали наблюдать. Показалось, что ничего не слышно, не видно. Бросились через шоссе. Тогда увидели, что в нескольких сотнях метров от нас движутся немцы. Я быстро перебежал дорогу и скрылся в лесу, то же сделал наш новый знакомый. Мой командир, дойдя до кювета, повернул в сторону дороги и прошел несколько шагов в направлении, куда двигались немцы.

“Давай скорее в лес!”, — крикнул я ему. Тогда он свернул с дороги в лес. Но не прошли мы и 50 м, как увидели еще одну дорогу, грунтовку, параллельно шоссе, по которой в 200 — 300 м от нас тоже двигалась колонна немцев. Я и наш попутчик быстро перебежали дорогу и скрылись в лесу. Командир же повторил свой маневр. Больше мы его не видели. Поначалу я не понял его намерений, и лишь позже “допер”: он сдался в плен.

Вместе со своим новым попутчиком пошел дальше. Через несколько минут показалась железная дорога, за ней небольшое селение. Возле одного из домов сидел мужчина. От него узнали, где находимся — вблизи ст. Негорелое.

Мужчина посоветовал сдаться в плен, дескать нечего его бояться: и кормят и поят. Я же больше всего боялся тяжелого ранения и плена.

Расспросив дорогу, отправились в путь. Где путь лежал через лес, шли днем, через открытые места – ночью. К нам присоединилась группа из нескольких человек, потом отстала или рассосалась по одному, где-то отстал фельдшер, но присоединились еще два попутчика, с ними я добрался до Гиженского леса (Славгородский район). По дороге попадалось много таких же окруженцев, как и мы, как правило, переодетые, многие из них оседали в деревнях, где и без них было немало мужчин призывного возраста (к западу от Днепра военкоматы не успели произвести мобилизацию). В какой-то деревне Осиповичского района и мы поменяли шинели на рваные ватники. Под подкладку ватника я запрятал бывшую со мной справку об окончании института (по ней в 1945 г. получил диплом). Остальные документы, в том числе и профсоюзный билет, сжег. Придумал себе версию на случай встречи с немцами: идем из Барановичской тюрьмы. Питались по дороге тем, что давали колхозники, больше всего молочной пищей, как правило, без хлеба, так как колхозники сами бедствовали. Никаких продовольственных запасов в карманах не было. Лишь однажды напоролись на колхозное стадо телят – перезимков. Пастух нам предложил бычка (все равно немцы заберут). У меня была бритва, с ее помощью животное прирезали, в касках, которые валялись в лесу, наварили телятины, то, что не съели, взяли с собой, хватило на несколько дней.

Фронт отодвигался на восток все дальше, мы уже были в глубоком тылу у немцев. Следуя точно восточному направлению, в конце июля или начале августа добрались до Гиженского леса. Там встретили отряд красноармейцев,

часть из них была одета по форме, и часть была таких, как мы. Ими командовал майор Андреев (так мне помнится). С отрядом попытался форсировать старое Варшавское шоссе с тем, чтобы переправиться через Сож и соединиться со своими – по гулу орудийных залпов можно было предположить, что на левом берегу Сожа расположены наши. Попытка оказалась безуспешной. Немцы усиленно обстреливали шоссе, вели постоянно пулеметный огонь, освещали ракетами. Отряд отошел. Днем он был обстрелян с самолета и рассеялся. Я снова оказался один. Повторить попытку соединиться со своими частями не удалось. В конце концов оказался в родной деревне.

Знал ли, что нарушаю присягу? О присяге не думал. Но нутром чувствовал, что поступаю не так, как должно, что мое место в рядах тех, кто сражался с врагом на фронте. Обстоятельства оказались сильнее меня. На что рассчитывать, живя в деревне? На то, что обстоятельства изменятся, и я снова встану в ряды защитников Родины. Так оно и случилось: 3 мая 1943 г. я стал бойцом Особого партизанского полка “13”.

В партизанском полку.

Особый партизанский полк “13” (с мая 1944 г. – Особое партизанское соединение “13”) ведет начало от небольшого отряда, организованного окружением, бывшим командиром танкового взвода лейтенантом Сергеем Владимировичем Гришиным в д.Фомине Дорогобужского района Смоленской области осенью 1941 г. К лету 1942 г. отряд вырос так значительно, что был преобразован в полк с армейской структурой. Он стал рейдовым, прошел по тылам немцев более 1500 км. Долгое время действовал в тылу немецкой группы армий “Центр”, в пределах восточной части Витебской и западной части Смоленской областей, вел весьма активные боевые действия, за что

командир С.В. Гришин был удостоен звания Героя Советского Союза (в том же Указе о награждении значится фамилия К. Заслонова).

Немцы многократно окружали полк, рапортовали командованию об уничтожении "чертовой дюжины" (так они называли полк). Но это была неправда.

Весной 1943 г. немцами была предпринята очередная попытка уничтожить партизан. Умело маневрируя, ведя короткие ожесточенные схватки, полк уходил от преследователей. В конце апреля 1943 года он оторвался от противника, пересек границу Белоруссии в пределах Мстиславского района, прошел в юго-западном направлении через Чаусский район и обосновался в д.Полоево и прилегающих к ней селениях Славгородского района.

К осени 1943 г. численный состав полка увеличили в три раза, превысив 2000 человек, стал еще более грозной боевой единицей. В его составе действовало шесть подразделений ранга батальона.

*На железках ночами в засадах,
Каждый день побеждая в бою,
Прочь сметая фашистского гада,
Брали гришинцы славу свою.*

Так пелось в партизанской песне. Эта слава до сих пор жива в сердцах многих жителей Могилевщины, на которой полк действовал до дня соединения с частями Советской армии – 28 июня 1944 г. В пределах области он прошел поистине героический путь от берегов Прони до Березины, провел множество открытых боев и в засадах, трижды участвовал в "рельсовой войне", выдержал (и победил!) жесточайшую, не имеющую в истории партизанского движения, блокаду осенью 1943 г. Вместе с полком прошел и я многие сотни километров, разделяя все его тяготы и победы.

Вот несколько эпизодов из боевой жизни.

Придя в Белоруссию, немного отдохнув, полк возобновил боевые действия. За короткий промежуток времени – 2–3 недели – были разгромлены полицейские участки и опорные пункты врага. В ночь на 14 мая был совершен налет на железнодорожную станцию Чаусы, Веремейки, разъезд Дрануха, другие объекты. Всюду партизанам сопутствовал успех. Особенно отличился 1-й батальон под командованием Н.И. Москвина в бою за ст. Чаусы. Враг был полностью разгромлен, партизаны овладели станцией, вывели из строя станционные сооружения, взяли солидные трофеи.

До конца августа немцы практически не трогали партизан, расположившихся в дд. Березовка, Литяги, Закупец, Заглинное и других (Славгородский р-н). Командование полка и его командир организовали широкую диверсионную работу на железнодорожных линиях. Только за июль 1943 г. было подорвано 35 вражеских эшелонов. Один из них принадлежит группе подрывников, в которой находился и я. Помимо меня, в ней были Янзин, Лисанов, Хворостов.

Мы получили 8 кг тола и запал от боевой гранаты. Все остальное должны были придумать сами. Решили делать мину нажимного действия, ставить под шпалу. Соорудили дощатый ящик, в одной стороне просверлили отверстие для запала, туда поместили взрывчатку. Я сконструировал нехитрое устройство, позволявшее при нажатии паровоза на шпалу, выдернуть предохранительную чеку и обеспечить взрыв.

Много лет спустя бывший командир роты, а позже начальник штаба III батальона А.М. Лебедев, выступая перед студентами группы, в которой я был куратором, сказал, что моей конструкцией подрывного устройства воспользовался весь полк. Для меня это было приятное открытие.

Местность, на которой предстояло провести боевую операцию, мне была хорошо знакома – мои родные края. Фугас решили закладывать на насыпи через пойму Прони, в 250 – 300 м от сильно охраняемого моста, со стороны ст. Чаусы. Замысел был дерзкий.

В середине дня вышли из Березовки, проследовали через Полоево, мимо Прудка, еще засветло достигли окрестностей д. Ключ. Остановились на лесной опушке. Мост и насыпь были хорошо видны невооруженным глазом, но у нас был и бинокль, которым снабдил нас комроты А.М.Лебедев.

Спустилась короткая летняя ночь. Форсированным шагом отправились к цели. Вброд перешли Проню, по высокому травостой, обильно покрытому росой, подошли к насыпи, залегли. Было тихо, достаточно темно, казалось, и войны нет. Осторожно взобрались на полотно, осмотрелись и заложили мину, тщательно разровняв землю. Так же бесшумно сползли с насыпи и возвратились на исходную позицию.

Однако ночью поезда не было. Как только забрезжил рассвет, со стороны моста в обоих направлениях отправился патруль. Он легко обнаружил следы нашей работы. Последовал выстрел. Стало ясно: нас постигла неудача.

Возвратившись на базу, по той же технологии сделали второй фугас. Теперь решили ставить его над трубой вблизи переезда на шляху Чаусы–Чериков. После нашей операции прошел сильнейший ливень. Он замаскировал наши действия, но он же имел и неприятные для нас последствия. Под влиянием влаги земля уплотнилась, снаряд осел, прогибания шпалы под тяжестью паровоза оказалось меньше нужного – мина не сработала, хотя прошло несколько поездов. Опять неудача!

Пришлось заряд извлечь, взрывное устройство усовершенствовать. Достаточно было двухмиллиметрового

нажатия, чтобы выдернуть предохранительную чеку. Теперь мы поменяли тактику: решили мину ставить днем. К тому времени немцы отменили ночные рейсы. Рано утром просматривали всю дорогу, пускали дрезину и только потом отправляли поезд, который, ожидая светлого времени, стоял на станции.

На этот раз я выбрал “Зеленопрудчанское колено”, хорошо известное жителям юго-восточной части Чаусского района. Здесь дорога резко изгибается, также есть насыпь, хотя и не такая высокая, как на пойме Прони. В случае взрыва под влиянием центробежной силы вагоны должны опрокинуться и скатиться с насыпи. К северу от “колена” на расстоянии немногим более 100 м располагался лес, в котором предполагали затаиться.

Дело было 17 июля. Задолго до рассвета со стороны д.Голочевка мы перешли железную дорогу и, чтобы ввести неприятеля в заблуждение, проследовали метров 300 по полю в сторону д.Зеленый Прудок, затем свернули в лес и на его опушке стали ждать развертывания известного нам сценария. Густые заросли кустарников на опушке хорошо нас маскировали.

С восходом солнца появились немцы. Они шли колонной по одному, с дистанцией около 10 м, со стороны разъездов Дрануха и Переможник, точно напротив нас встретились и остановились, не изменив расстояния друг от друга. Их было 14, по 7 с каждой стороны. Все они повернулись лицом в сторону леса и о чем то говорили. Они обратили внимание на наши следы, один фриц прошел по ним метров 100, казалось вот-вот разгадает наш маневр, но, убедившись, что “ночные гости” направились в деревню, повернул обратно. Простояв, наверное, около получаса, разошлись по своим направлениям. Чтобы проконтролировать их уход, одному из нас пришлось залезть на дерево.

Было 10 часов 40 минут. Прогрохотала дрезина. Мы бросились на полотно, быстро заложили снаряд и отошли к лесной опушке к югу от дороги. Прошло минут двадцать, как показался поезд. Он шел со станции Веремейки. Мы насчитали двадцать вагонов товарных и два пассажирских (в конце). Впереди паровоза были две платформы с песком.

Мы замерли. Сердца учащенно забились. Но вот над фугасом проходят платформы, паровоз, а взрыва нет. Неужели опять неудача?! Но нет, в конце первого вагона взметнулся огромный клуб дыма, а над ним щепки. Поезд сплюснулся, сильно укоротился. Послышался лязг металла. Мы разрядили свои обоймы по пассажирским вагонам и скрылись в лесу.

Всю эту картину наблюдали жители д.Голочевка, работавшие на прилегавшем к железной дороге сенокосе. Нас они сначала приняли за железнодорожных рабочих. И лишь после взрыва поняли, кто мы. С их помощью было установлено, что в результате взрыва 4 вагона были разрушены, еще четыре скатились под откос, повреждения были еще в четырех вагонах. Во всех вагонах были немецкие солдаты. Гитлеровцы полагали, что за товарным поездом партизаны не будут активно охотиться. В общей сложности, как установила наша разведка, немцы потеряли около 50 человек.

Работы по восстановлению железнодорожного полотна и уборке разрушенных вагонов продолжались весь день. И только под вечер пошел поезд, теперь уже со стороны Чаус. Его подорвала другая группа гришинцев вблизи разъезда Переможник.

В памяти сохранилось множество боевых эпизодов, когда партизаны успешно устраивая засады, громили врага.

Запомнился день 29 августа 1943 г. К тому времени немцы владели информацией о нашей силе и нашем расположении.

И вот 29 августа они сняли с марша крупные формирования, идущие в сторону фронта, подключили Чаусский, Чериковский, Славгородский гарнизоны и буквально за несколько часов взяли в кольцо ОПП-13: по дороге Чаусы – Славгород вдоль правого берега Прони заняли оборону, с Чаусской и Чериковской сторон повели наступление. Пехоту усилили эскадрильей “юнкеров”, совершивших за день 6 налетов (базировались на аэродроме в Быкове)

К этому времени я был первым номером расчета станкового пулемета. По приказу командира взвода пулемет установил на углу лесного массива, к северу и западу от которого простиралось колхозное поле (район д.Березовки). Немцы наступали на деревню, используя минометы. Нужно было продержаться во чтобы то ни стало до темноты. Пулемет работал исправно, немцам приблизиться к нашей обороне не удалось. А как только стало смеркаться, мы оставили позиции.

Под прикрытием ночи подразделения полка форсировали Проню, прорвали оборону немцев и ушли в Кошелевские леса (недалеко от них расположена д.Лесная). Немцы же, как выяснилось позже, весь следующий день атаковали покинутые нами деревни, а утром следующего дня вынуждены были в спешном порядке сняться и продолжить движение к фронту: начался второй этап наступления Красной Армии после Курской битвы. Советские войска приближались к Белоруссии.

В сентябре командир полка получил приказ Центрального штаба партизанского движения переместиться на правый берег Днепра, в западную часть Могилевщины. Но полк был сильно обременен госпиталем, в котором находилось около 100 раненых. Командование решает отправить госпиталь на форсирование реки Сож и соединение с наступающими частями Советской Армии. Для охраны

госпиталя была выделена специальная рота в количестве 74 человек. Предполагалось, что переправа госпиталя будет происходить под прикрытием крупного партизанского соединения, действовавшего в том же районе, что и ОПИ-13.

Без госпиталя, как бы “налегке”, полк отправился на передислокацию. Прошли всего километров 30, как последовал новый приказ ЦШПД: идти на соединение с наступающими частями армии. Одновременно с этим командир получает от разведгруппы известие, что госпиталь Сожа не перешел, со своими не соединился, возвратился в места прежней дислокации. С.В. Гришин принимает решение: госпиталь на произвол судьбы не оставлять, идти в места его расположения и вместе с ним соединяться с войсками регулярной армии. Так полк оказался в Городищенской лесной даче, на стыке Быховского и Славгородского районов, вблизи деревень Бовки, Добужа, Хачинка и других, вклинившись в боевые порядки немецких войск, в 18 километрах от фронта. Казалось, день – два – и мы будем в объятиях родных солдат. Прочь маскировку! Засады на дороге Славгород – Могилев следуют одна за другой. Фронтные немцы с партизанами не сталкивались, едут в открытых машинах, на мотоциклах, велосипедах. Многие из них нашли гибель от партизанских пуль, ребята обзавелись солидными трофеями. Но так продолжалось два – три дня. Сначала над лесом появились разведывательные самолеты, затем знакомые по Березовке и Лetyагам “юнкерсы” (9 самолетов по 6–9 налетов в день), затем последовало полное окружение пешотой с использованием 12 артиллерийских батарей, расположенных вокруг лесного массива. Всего, как позже достоверно было установлено, немцы сосредоточили 25-и тысячное войско.

Началась блокада. Гришинцы ее называют Бовской — со стороны д.Бовки полк вошел в лес. Она длилась с первых дней октября до 18 числа. Вместе с ОПП — 13 в блокаде оказался партизанский полк №5 и более мелкие партизанские отряды общей численностью около 4000 человек, большое количество местного населения.

Бои не стихали ни днем, ни ночью, нередко переходили в рукопашные схватки. Немцам, как узнали от пленных, был обещан двухнедельный отпуск в Германию. Это их вдохновляло на активные боевые действия.

Поначалу сражения шли на опушках. Позже немцам удалось прорвать нашу оборону и вклиниться в лес. В лесу мы дважды меняли позиции, в конце концов оказались на площади в один квадратный километр. Кончилось продовольствие, на исходе были боеприпасы. Как показали пленные немцы, на 18 октября был назначен решающий штурм партизанских позиций. А 17 числа они предприняли шесть атак, все шесть на позиции 3-го батальона, в котором был я. Наиболее ожесточенной была последняя атака, предпринятая перед заходом солнца.

Мой пулемет стоял на бруствере окопа, вырытого в полный рост. Бил по дороге и по лесу. Хорошо видел, как на дороге падали пораженные фашисты (действовали они настолько проворно, что молниеносно утаскивали за деревья падавших солдат). На этот раз противник подошел едва ли не вплотную к нашей обороне. Немецкий пулеметчик был убит в 20 метрах от моего окопа. Он успел дать по мне две очереди, но промахнулся. Снопы трассирующих пуль ударили по брустверу в 2—3 см от моего плеча. Поезло!

Ночью полк, уничтожив батальон противника (начальника штаба взяли в плен, он дал нам ценную информацию), прорвал окружение и вышел на свои прежние

позиции. “Ура!” – кричали все: и те, кто шел в первой шеренге, и те, кто шел в замыкающей цепи; отхаркивая кровь, кричали раненые (их всех вынесли на специально изготовленных носилках). Как рассказывали жители д.Хачинка, после блокады они слышали наше “ура” за 5 км. Простояли день. Было тихо. С наступлением темноты снялись и отправились в сторону фронта в Железинские болота. Шли по болоту едва ли не по пояс в воде, но с твердым дном. Маршрут указал местный житель, фамилия которого осталась неизвестной (С.В.Гришин многократно себя корил за то, что не спросил фамилию проводника).

В Железинских болотах (Славгородский район) подверглись жесточайшей бомбардировке все тех же “юнкерсов”). До фронта, стоявшего на р.Проня, оставалось не более 10 км. Но они оказались непреодолимыми. Командир принимает решение отдельными батальонами перемещаться на правый берег Днепра и соединяться в д.Ядреная Слобода (Быховский район). В конце ноября полк, собрав все свои батальоны, возобновил боевые действия.

Очередная попытка немцев уничтожить “чертову дюжину” не удалась. Конечно, полк понес большие потери. В дни блокады было убито 104 партизана, 110 было раненых. Судьба доблокадного госпиталя и охранной роты осталась неизвестной. Свыше 500 гришинцев самостоятельно соединились с частями Красной Армии.

Из боев в 1944 г., в которых я участвовал, особенно памятны бои под д. Рубеж Бельничского и д. Новопрудье Круглянского районов.

В течение зимы 1943 – 1944 гг. полк избегал открытых сражений, вынужден был уходить даже от одной роты фашистов: после Бовской блокады боеприпасы были на пределе. В конце марта полк пошел в д.Усакино, ту самую,

где еще в начале войны зародилось партизанское движение на Могилевщине. Там простоял четверо суток, каждую ночь получая с Большой земли боеприпасы. После этого вернулся в места своей прежней дислокации — д. Журавок Березинского района и прилежащие к ней селения Бельничского района. Узнаем, что в шести километрах от Журавка в д. Рубеж расположилась та самая рота, которая преследовала нас зимой. Мы ее обложили, командиры указали, где какому подразделению быть, какую задачу выполнять; до начала атаки оставалось несколько минут. И вдруг — приказ: “Отставить! Немцев будет грохнуть местный отряд”. Начался бой. Он длился несколько минут. Как потом выяснилось, партизаны убили одного немца, своих потеряли более 20.

На следующий день (дело было 6 апреля, снег еще не начал таять), оставив часть сил в Рубеже, немцы двинулись на Журавок. Гришинцы подкараулили их на том участке дороги, где с обеих сторон был лес. Этот бой тоже длился недолго, немцы были перебиты все, до единого. Их оказалось 57. Наши потери: 3 убитыми и несколько раненых. Мне и на этот раз повезло: вражеская пуля прошла между ног, прострелив только шубу.

В д. Новопрудье стоял довольно крупный немецкий гарнизон. Разгромить его С.В. Гришин приказал командиру пятого батальона И.Т. Матяшу (немцы его называли “Маленьким Гришиным”). В помощь батальону была передана рота 3-го батальона, в которой находился и я. Здесь бой был ночью (даты не помню, где-то в конце мая — начале июня). Гарнизон был полностью разгромлен. Партизаны овладели деревней, сожгли казармы, взяли большое количество лошадей, продовольствия. Многие из нас впервые за несколько лет полакомились фрицевскими деликатесами.

Последняя боевая операция состоялась 21–22 июня 1944 г. накануне летнего наступления наших войск, приведшего к полному освобождению Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков.

Но не только боевые действия партизан помнятся мне.

Чтобы лишить немцев возможности маневрировать и подбрасывать подкрепление в места прорыва их оборонительных рубежей, Советское командование дало задание партизанским подразделениям Белоруссии в одну ночь вывести из строя все железные дороги. 3-й батальон получил задание разрушить железнодорожное полотно на одном из участков между Крупками и Борисовом.

Мы стояли, кажется, в д. Тьльковка (Березинский район). В конце десятых чисел июня в течение нескольких дней шли сильные ливни. Реки переполнились, вода затопила поймы. Однако к началу нашей операции дожди прекратились. Грозовые тучи рассеялись, погода наладилась. 20 или 21 июня мы отправились в поход. Его возглавил командир батальона П.И. Звездаев. Проводником партизан был местный житель, если мне не изменяет память, бывший председатель местного совета (фамилии его, к сожалению, не помню). Он вел нас кратчайшим и относительно безопасным путем.

В расчетное время батальон подошел к р. Бобр. И тут обнаружилось непредвиденное: Бобр был наполнен до краев. Несколько самых высоких парней вброд перебрались на правый берег реки, сделав промер глубины. Выяснилось, что переправа будет затруднена. Река может стать опасным рубежом в случае преследования батальона врагом после выполнения задания. Поэтому комбат, посоветовавшись с командирами рот, решил изменить маршрут и направиться на участок дороги к востоку от Крупок. Этот отрезок был сильнее укреплен. Подходы к

нему были более опасными. К тому же дорога удлинялась, марш должен был быть более форсированным. Чтобы вовремя выполнить боевое задание и уйти в безопасное место, батальон должен был за 24 часа совершить 70-километровый переход. И он блестяще справился с этой задачей.

Железная дорога охранялась специальными частями. Через каждый километр были размещены бункера – особые строения (для них захватчики использовали хаты сельских жителей) с двойными стенами, с землей между стенами. Ружейно – пулеметным огнем такие укрепления не возьмешь, разрушить их можно было с помощью артиллерийских орудий или гранатами. Вдоль дороги на расстоянии нескольких десятков метров, на высоте 20 – 30 см от земли была протянута проволока, на которой укреплялись осветительные шашки. Стоило затронуть проволоку (а в темноте это сделать было совсем просто), как шашка воспламенялась, освещая все вокруг. Немцы по этому месту открывали огонь из бункеров. Средства эти мало помогали. Партизаны ежедневно то там, то тут сбрасывали вражеские поезда под откос. Но не считаться с ними было нельзя.

К цели мы подходили по возможности бесшумно, маскируясь в складках местности. Но на расстоянии 50 – 100 м от дороги враг нас обнаружил. Затрещали пулеметы и автоматы. Партизаны ответили массированным огнем из всех своих боевых средств, в бункера полетели гранаты. С криками “ура” они бросились на полотно. Фашисты замолчали. Как писалось в стихотворении партизана К.А.Воскресенского

*Фрицу жутко: мрак ужасен,
Не защита пулемет.
И руки дрожащей палец
Спусковой крючок не жмет.*

Уцелевшая от партизанского огня охрана разбежалась, партизаны принялись за разрушение дороги. Подобная операция была не первой. Ее дважды совершали в 1943 году, когда полк дислоцировался в междуречье Прони и Днепра – в Чаусском, Чериковском и Славгородском районах. Кусок тола размером, примерно, с брусок туалетного мыла (50 г) вместе с взрывателем, к которому прикреплялось сантиметров 20 бикфордова шнура, прикладывался к середине рельса. Шнур поджигался – и партизан отходил.

Через минуту раздалась кононада. Это взрывались наши заряды. Каждый взрыв рвал рельс пополам. Казалось, что стреляют из сотен орудий. Сполохи озаряли не только дорогу, но и окрестный лес и прилежащие селения.

Не успела смолкнуть кононада, как мы услышали рев моторов. Это вражеские танки открыли огонь из орудий. Но партизаны уже выполнили задание и отходили. Танки стреляли наугад. Снаряды рвались где-то в стороне, не причиняя нам никакого вреда.

Теперь наш путь лежал в южном направлении. До рассвета, чтобы удалиться от железной дороги и от вражеских гарнизонов на возможно большее расстояние, шли быстро. Затем марш замедлился. Нервное напряжение спало, всех начала одолевать усталость, но никого не оставляло глубокое удовлетворение от хорошо исполненного долга.

Где-то слева осталась деревня Ухвала, в которой стоял немецкий гарнизон. Мы, еле волоча ноги, приближались к месту расположения нашего штаба. Проводник великолепно ориентировался на местности, вел батальон уверенно.

Отдельные участки партизанских дорог были известны немцам. В некоторых местах фрицы ставили противопехотные мины, тщательно маскируя их. Об этом знали мы и наш проводник. И когда стали подходить к заминированному участку, раздалась команда: “Осторожно: мины!”

“Вот мина, – указывал проводник. – А вот еще... Будьте предельно внимательны... Примите влево... Идите правее...”

И вдруг взрыв потряс лес. Это он сам наступил на мину. Его жизнь оборвалась в считанные секунды. Все были потрясены случившимся. Мы знали, что в расположении наших подразделений осталась его семья – жена и несколько детей. Они с нетерпением ожидали его возвращения. Как теперь им сказать, что у них нет больше любимого мужа и отца? Его убили фашисты, пришедшие на нашу землю, чтобы завладеть ею, а нас уничтожить или превратить в рабов.

В феврале – марте 1944 г., будучи беспартийным, я выполнял обязанности политрука второй роты 3-го батальона. Делал обычную для политрука работу – выпускал боевые листки, следил за дисциплиной, проводил политинформации, читал лекции на научно – популярные темы. Как-то случилось довольно продолжительное затишье, бойцов нужно было занять каким-то культурным мероприятием. Написал две пьесы на темы партизанской жизни и по ним поставил спектакли. Пьесы, разумеется, примитивные, но спектакли были приняты на “ура”. Среди гришинцев были те, кто сочинял неплохие стихи, был и профессиональный поэт, хорошо известный в Союзе – Марк Максимов. Бовское сражение он отразил в поэме “В краю молчания”. В одном из стихотворений есть такие слова:

*В нашем крае немцам не ужиться:
Беспокоит Гришин каждый час.
То, гляди, “ума он клеит фрицам”,
То в ночной тиши “сыграет джаз”.*

Сотни боевых операций провели партизаны Особого партизанского полка – 13. Они разгромили 40 вражеских гарнизонов, пустили под откос 333 вражеских эшелона,

взорвали 30 паровозов, 3500 вагонов и платформ с живой силой, техникой, горючим, уничтожили из засад и при разгромах гарнизонов 900 автомашин, 9 танков, 2 самолета, более 100 мостов, свыше 6000 рельсов. В боях и при крушении поездов были уничтожены тысячи гитлеровцев.

Подводя итоги боевых действий, могу с уверенностью заявить, что, при любом поправочном коэффициенте на неточности, которые бывают при подсчете потерь противника, на моем боевом счету есть если не убитые, то наверняка раненые немцы.

За боевые заслуги командование полка представило меня к награждению орденом Красного знамени. Смоленский обком (через него проходило представление) утвердил мне орден Красной Звезды (имею на этот счет документ). Однако ордена не получил. И не только я – все 405 человек, значащиеся в проекте Указа на награждение. Среди них было немало тех, кто для победы сделал гораздо больше меня. Почему?

Вот что мне рассказала об истории награждения гришинцев (со слов самого С.В.Гришина) Вера Андреевна Звездаева, член Союза писателей СССР, однополчанка.

Как только гришинцы соединились с наступающими частями Советской Армии, последовал приказ: идти на парад в Могилев или Минск. При этом скот (коров, лошадей, имевшихся в подразделениях полка) оставить местным колхозам. С.В. Гришин приказа не выполнил. Посадив на трофейный мотоцикл, отправил одного из комбатов в Смоленский обком партии и через него, в обход Центрального штаба партизанского движения, который возглавлял секретарь ЦК КПБ П.К.Пономаренко, получил разрешение идти в Смоленск. Этого П.К.Пономаренко Гришину не простил, лишив наград весь полк.

... Большое видится на расстоянии. Многие страницы Великой Отечественной войны писаны, переписаны и вновь написаны. В последнем издании С.В. Гришин и полк под его командованием в ряду партизанских вожаков, отрядов, соединений прочно занял второе (после Ковпака) место.

Я горжусь тем, что сражался с фашистскими захватчиками в рядах Особого партизанского полка (соединения) – 13.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

Святослав Иванович Фоменко работал в МГУ им. А.А. Кулешова с 21.09.1962 г. по 02.07.1981 г. старшим преподавателем кафедры математики.

В мае 1942 года я был призван в армию со студенческой скамьи исторического факультета Кабардино-Балкарского пединститута. Был зачислен в учебный мотоблок в г. Ставрополе. В августе Ставрополь был захвачен немцами и весь наш безоружный полк попал в плен.

Пленных немцы сначала использовали на работах в каменоломнях Кавказа, а потом эвакуировали в Грецию.

Из лагерей, находящихся на территории Кавказа, были случаи побега, но бежавших вылавливали и возвращали обратно. А в Греции охрана была строже. За побег там карали расстрелом.

Наши пленные знали, что в Греции и Югославии развито партизанское движение, и если удастся вырваться из лагеря, то есть шанс примкнуть к партизанам.

Русских военнопленных небольшими группами в Греции рассредоточили по разным местам. Группа из

50 человек, в которой я находился, расположилась не — далеко от города Салоники. Работали на железной дороге. Были благоприятные условия для побега кругом лес, кусты, заросли, овраги, берег реки Вардар. Здесь организовалась группа из шести человек, которые решились бежать и примкнуть к партизанам.

В один из весенних дней нам удалось по два человека незаметно скрыться от стражи с места работы по трем направлениям. В условленном месте мы собрались, передохнули и отправились на поиски партизан.

Мы остерегались, чтобы не нарваться на немцев или болгар, служивших у немцев. Природа нам помогала. Кругом были кусты и лес.

Блуждали мы целую неделю и не встретили ни одного человека. Наконец пришли в деревню и обнаружили, что все дома разрушены, людей нет. Мы поняли, что деревня уничтожена за связь с партизанами, а жители скрылись в лесу. Вскоре мы встретили группу жителей этой деревни и они указали нам путь к партизанам. Мы нашли отряд греческих партизан. Здесь мы узнали о русском батальоне им. Рокоссовского, который действовал на территории Македонии в югославской партизанской бригаде.

В этом русском батальоне мы получили первое боевое крещение. Там мы действовали до прихода в Югославию советских войск.

Задача партизанского движения на Балканах заключалась в том, чтобы препятствовать установлению немцами своего господства на этой территории. Мы нападали на опорные пункты немцев и болгар, защищали села от карателей, разрушали дороги и мосты, имевшие значение для немецкой армии.

Вот один из примеров такого сражения. Партизанский отряд располагался в селе. Однажды часовые сообщили,

что приближается большой отряд противника. Был подан сигнал тревоги, подготовились к бою. Когда противник подошел близко, партизаны открыли огонь из карабинов, автоматов и пулеметов. По огненным точкам противник пустил в ход гранаты. Но гранаты были болгарские. Они отличались от других гранат своими длинными ручками и были замедленного действия. Наши партизаны хватали гранаты и отсылали их тем, кто их бросал. Гранаты взрывались у противника. Картина была впечатляющая! Наступление противника было отбито.

Но не всегда так удачно заканчивались стычки с немцами и болгарами. Приходилось отступать, рассеиваться, терять боевых друзей, нести раненых и оставлять их в каких-либо селах.

Несколько слов о вооружении партизан.

Вооружение у югославских и греческих партизан было преимущественно английское, некачественное. Были случаи, когда во время сражений пулеметы и автоматы отказывали, а минометы взрывались и расчеты погибали. С этим оружием приходилось много возиться, чтобы оно было действующим.

Вспоминается случай. Подошли немцы и болгары. Мы заняли оборону. Но пулеметы и многие автоматы отказали. Пришлось отстреливаться только карабинами. Противник прижимал. Назревала угроза отступления. Вдруг пошел сильный дождь. Пулеметы и автоматы заработали. Мы продержались до ночи. С наступлением темноты противник прекратил стрельбу и отступил.

Вот так мы воевали в партизанских отрядах до прихода советских войск. Советские войска зашли в Югославию не как завоеватели, а с согласия югославского командования. Все русские, которые воевали в партизанских отрядах всей Югославии, были собраны в Белграде и переданы

советскому командованию в 36-ю стрелковую дивизию. Она действовала на территории Венгрии и Австрии. Я был зачислен в саперный батальон, в роту минеров, где и находился почти до конца войны. Началась будничная, но опасная жизнь. Днем готовили противопехотные и противотанковые мины, а ночью минировали поля, где могли проходить немецкие войска.

Иногда приходилось минировать и днем под непрерывным пулеметным обстрелом противника.

Особенно жестокие бои были в Венгрии на территории озера Балатон. Советские войска продвигались к Берлину. Немецкое командование предприняло контрнаступление на озере Балатон, чтобы отвлечь часть советских войск с берлинского направления. У Балатона немцы сосредоточили огромные силы: 1600 танков и другой самоходной техники, более 1600 орудий разного калибра, огромное количество пехоты. Все это надо было остановить, для чего использовалось преимущественно минирование полей. Минировали и ночью, и днем под непрерывным пулеметным, а часть и артиллерийским огнем.

Был такой случай. Рано утром наша группа минеров прибыла в один из полков, где мы должны были заминировать определенную территорию. Штаб полка находился в отдельно стоящем большом одноэтажном кирпичном доме. Мы разместились в одной вместительной комнате, ожидая указаний. В смежном зале расположился штаб полка. Открылась дверь, и оттуда вышел полковник. Он начал объяснять нам задачу. Вдруг в нашей комнате с потолка и со стен посыпалась штукатурка, в смежном помещении, где находился штаб, раздался взрыв. Когда открыли дверь, то увидели взорванный пол, глубокую яму, выбитые окна. В яме лежали трупы людей. Весь штаб погиб, остался один полковник.

Немцы обстреляли дом. Снаряд пробил две угловые стены той комнаты, где находились минеры, влетел в зал, где находился штаб, и там взорвался. Вот такая произошла трагедия.

Полковник сделал несколько указаний, и мы со своим командиром пошли минировать. Чаще всего приходилось минировать ночью. В это время обстрел со стороны противника был не прицельный, но более плотный. Поле обстрела непрерывно освещалось ракетами. Одни гасли, другие зажигались.

Немецкое наступление на озере Балатон закончилось неудачно. Танки не прошли.

После этого крупного сражения были еще более мелкие. В одном из них 1 мая 1945 года я был ранен. Победу встретил в госпитале. Из армии демобилизовался в 1946 году.

С каждым годом все дальше уходят в историю дни военного лихолетья. Но кроме горя и слез, которые принесла Великая Отечественная война, были и послевоенные горе и слезы. В первые годы после войны те, кто был в плену хоть несколько дней и вернулся к своим, сразу попадали под подозрение. Ими занимались ГПУ и НКВД. Их встречали враждебно, называли изменниками, предателями, шпионами. Задавали вопросы: "Почему сдался в плен? Почему не застрелился? Говори, какое задание получил от немцев против советской власти."

А дальше – суд без всяких доказательств и Колыма. Как минимум, десять лет, а то и расстрел. Таков был указ Сталина.

И говоря о великом подвиге советского народа в годы войны, надо помнить и о жестоком послевоенном времени для тех, кто уже пережил трагедию, не по своей воле попав в плен. Помнить, чтобы не повторить.

ЕЁ ЗВАЛИ АНЯ

Елизавета Филипповна Подолян в МГПИ им.А.А.Кулешова (ныне МГУ им. -- А.А.Кулешова) работала с 13.01.1966 г. по 31.07.1995 г. на кафедре педагогики и методике начального обучения лаборантом. Награждена Почетной грамотой Министрства просвещения БССР.

До войны я жила в городе Щекино, Тульской области. Мне тогда было 17 лет. Я закончила 9 классов. В нашем городе комсомольцы, как и по всей стране, уходили добровольцами на фронт. Я тоже была среди них.

В июле 1942 года по решению Щекинского РК ВЛКСМ я была послана в Москву на спецкурсы. Училась в той самой школе, которую немногим ранее закончила отважная партизанка – разведчица Зоя Космодемьянская. Зоя для нас была символом любви к Родине, примером мужества и бесстрашия. Нам всем хотелось быть такими, как славная Зоя.

После окончания спецкурсов мы были посланы на спецзадание в глубокий тыл врага. Мне нужно было добраться до Могилевщины, к партизанам.

Перед отправкой в тыл врага с нами беседовал в штабе партизанского движения секретарь подпольного ЦК ЛКСМБ тов.Сурганов. Он ознакомил нас с дислокацией партизанских бригад и отрядов, поставил перед нами конкретные задачи. После этого нас обмундировали, вооружили, проинструктировали, и мы отправились на выполнение боевого задания.

Линию фронта переходили в темную и дождливую ночь с 20 на 21 декабря 1942 года между Ржевом и Великие Луки Калининской области, нас было немного. Тревожно было

на душе. Шли цепочкой, дистанция 2 метра друг от друга. Затаив дыхание, мы бесшумно пробирались по вражеской фронтовой полосе. Губы пересохли от жажды. Руки крепче сжимают оружие. Вещевой мешок режет плечи. А дождь льет не переставая. Так миновали нейтральную зону. Затем перешли противотанковую насыпь, усеянную немецкими огневыми точками. Наконец дошли до озера Сенное. Это было для нас основным препятствием. Было трудно. За плечами 10 кг груза – боеприпасы. Но мы упорно шли вперед к цели. Беспokoил противоположный берег. А что там? Вдруг засада! Преодолевая страх, усталость и ноющую боль в пояснице от тяжести, мы шли вперед. Но враг нас заметил. Нас обстреляли с левого фланга. Поступила команда: “Приготовиться к бою!” Автоматы и пулеметы были направлены в сторону врага. Здесь мы, еще молодые и неопытные бойцы, получили свое первое боевое крещение.

За эту ночь мы прошли 50 км. Утром, на рассвете 21 декабря 1942 года, мы, мокрые и уставшие, добрались до партизанской деревни. Счастливые и довольные уснули крепким сном. Мне предстояло еще добраться до Быховской партизанской бригады, куда попала только в начале 1943 года. Я была назначена 2-ым секретарем Быховского подпольного РК комсомола. В целях конспирации меня стали называть Аней.

Среди партизан было много лихих разведчиков, смелых подрывников, активных агитаторов и отважных командиров. Комсомольцы бригады были тесно связаны с молодежью в деревнях и селах. Они помогали нам распространять листовки, вели разведку, собирали ценные сведения. Некоторые из них были хорошими партизанскими связными.

Никогда не забуду Наташеньку Годунцову, которой было 13 лет. Когда наша бригада решила громить станцию Тощица, нужно было срочно послать через переезд связного

с боевым приказом штаба для группы, которая вела разведку по ту сторону станции. Охрана на переезде была сильная. Взрослым ход вообще был запрещен. Положение осложнилось. А медлить было нельзя. Тут мы и вспомнили о нашей юной Наташе. Она немедленно пришла в штаб бригады и получила боевое задание. Интересно то, что она проявила здесь смекалку и находчивость. Ей было предложено спрятать боевой приказ к подошве ноги, обвязав ее бинтом, делая вид, что нога сильно болит. Но Наташа наотрез отказалась от такого замысла. "Один бинт меня сразу выдаст, — сказала она, — немцы могут схватить меня". Она взяла хлебный мякиш, спрятала в него приказ, написанный на папиросной бумаге, приложила мякиш к ноге и обвязала самой грязной тряпицей. Прошла по избе и сказала: "Так, дяденьки, будет надежней". Взяла корзинку с припасами для фрицев и уверенной походкой быстро зашагала в сторону станции. С душевной болью и волнением мы провожали маленькую девочку. Долго ждали условного сигнала с той стороны. И вдруг... Орудийный выстрел огласил нам победу. Все облегченно вздохнули. Значит, Наташа благополучно перешла через переезд. Приказ получен. За боевые действия в тылу врага Наташа награждена медалью "Партизану Отечественной войны II степени".

Кроме трудных боевых задач, когда нужно было собрать разведывательные сведения, доставить "языка", провести боевую операцию или диверсию, партизаны помогали жителям деревень в уборке урожая, прятали хлеб от врагов, спасали население от угона в немецкое рабство.

Обстановка в партизанской зоне часто обострялась. Немцы организовывали блокады партизан, натравливали карателей на мирных жителей. Порой засылали своих шпионов и провокаторов в распоряжение партизанских отрядов. В нашей бригаде тоже были случаи проникновения вражеских элементов.

Помню, когда в нашей бригаде была отравлена большая группа партизан, вернувшихся с боевого задания. Через несколько минут после вкусного обеда у них началась рвота. Срочно был вызван врач. Диагноз установили быстро – отравление. Было над чем поразмыслить. Подозревали повара. Ее вызвали на допрос. Одни слезы. Начали обыскивать. Мне пришлось участвовать при обыске. Обыскали все до ниточки. Улик нет. Кто-то предложил обыскать косы на голове. В туго заплетенных косах обнаружили несколько порошков с ядом. Враг был обнаружен. К счастью, партизаны остались живы, помогла вовремя оказанная медицинская помощь.

Враг действовал коварно, но и партизаны не дремали, они всегда были начеку.

В день соединения партизанской бригады с частями Красной Армии 24 февраля 1944 года бои были жестокими. Много было убитых и раненых. Но отважные сыны Родины стояли насмерть. Благодаря мужеству и отваге партизан мы благополучно соединились с частями Красной Армии в районе деревни Дедово.

ВОЙНОЙ ОПАЛЕННАЯ ЮНОСТЬ НАША...

Алевтина Михайловна Вирковская работала в Могилевском государственном педагогическом институте им. А.А. Кулешова (ныне Могилевском государственном университете им. А.А. Кулешова) с 1.09.1959 по 26.08.1992 г. преподавателем, доцентом и заведующей кафедрой русского языка.

*И с каждым годом все дальше, дальше,
Нет, с каждым годом все ближе, ближе
Войной опаленная юность наша,
Друзья, которых уже не увижу...*

*Не говорите мне, что это тени,
Я помню прошлое каждым нервом,
Живу, как будто в двух измерениях:
Вчера, сегодня и – в сорок пятом.*

Когда вдруг как бы сами собой вспомнятся те далекие уже годы или внуки попросят рассказать о войне, я всегда вспоминаю эти стихи Юлии Друниной – фронтовой медсестры, поэта с чуткой и ранимой душой.

Ведь как верно сказано – “войной опаленная юность наша”... И про то, что помнится прошлое каждым нервом, тоже точнее не скажешь.

Хорошо помню, как уходили на войну мы, только что окончившие школу девочки, весной 1942 года. В апреле этого года была объявлена первая мобилизация девушек в войска противовоздушной обороны. Она была несколько своеобразной: повесток военкомат не присылал, будущие солдаты приходили на призывные пункты добровольно. Мобилизация была объявлена комсомольской организацией, и работникам военкоматов активно помогали райкомы и обкомы комсомола.

В военкомат мы, студентки горно-металлургического института, расположенного на живописной окраине г.Владикавказа (тогда – г.Орджоникидзе) пришли большой группой. Вскоре рядом с нами стояли девушки из горно-металлургического техникума, педагогического института, группы комсомолок с предприятий.

С каждой внимательно беседовали. Наше желание стать солдатами было сознательным, искренним. Призывные

комиссии работали не только в г. Владикавказе, но и во всех районных военкоматах. 15 апреля комиссии закончили работу, — было призвано 530 комсомолок-добровольцев. Все они направлялись в одну воинскую часть — 23 отдельный батальон воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), штаб которого находился в Дагестане, в г. Махачкале.

Последнюю ночь перед отправкой в часть мы провели уже все вместе в большом зале недостроенного Дома Советов.

Уставшие, взволнованные проводами, где было много всего — торжественных слов, пожеланий, слез, обещаний вернуться с победой — молча сидели мы, еще не солдаты, но уже боевые подруги. Никто не спал, не спал и затемненный город.

А всего через несколько месяцев (в начале ноября) докатился до самых окраин этого красивого, тихого города бронированный вал немецких армий. Город бомбили. Но он — выстоял. Немецким захватчикам не удалось прорваться к Грозненским и Бакинским нефтяным районам. Не сломив сопротивление защитников города, они перешли к обороне, а затем начали отступление.

Но это случится уже осенью, в ноябре, а в ту весеннюю ночь, 16 апреля 1942 года, 530 комсомолок, добровольно пришедших на призывные пункты, немного волнуясь, но ни на минуту не сожалея о принятом решении, ожидали рассвет своего первого солдатского дня.

Надо было видеть, как шли мы ранним утром на вокзал! Конечно, о военной выправке речи нет, но спортом в те годы увлекались многие, сдавали нормы ГТО (готов к труду и обороне), так что сутулых спин и опущенных голов в строю не было. Пели, правда, вразнобой — петь в строю надо уметь. Шеренга, в которой шла я, пела свою "строевую", только что сочиненную нами в эту прощальную, бессонную ночь:

*Война над страной польхает,
На битву встает весь народ,
Нас грозное время позвало
В суровый и дальний поход.*

*Мы надели шинель,
Мама, жди, не грусти,
Мы вернемся, не знаем когда.
Эти ночи и дни боевого пути
Будем помнить везде и всегда!*

Эшелон медленно отошел от переполненного провожающими вокзала, оставляя позади родных, подруг, аудитории институтов и техникумов, окна родных домов, веселый шум студенческих общежитий.

Мы не ошиблись тогда, сочиняя песню: те ночи и дни боевого пути забыть трудно.

Неимоверно тяжелым было лето 1942 года. Осажден Ленинград, в Крыму еще сражался Севастополь, но весь полуостров уже был в руках оккупантов, оккупирована Белоруссия, линия фронта прошла восточнее Курска, наши войска оставили Ростовскую область, Краснодарский и Ставропольский край, проникли в Кабардино-Балкарию, Чечено-Ингушетию, Северную Осетию. 25 июля началась битва за Кавказ.

Наш батальон рассредоточил свои наблюдательные посты по всему Дагестану, от Каспийского моря до горных аулов Хунзаха. 24 часа в сутки, уже загоревшие и обветренные, в выгоревших под южным солнцем гимнастерках, охраняли наши девчата, ставшие наблюдателями, телефонистами, радистами. Они, как и напрямую связанные с нами части истребительной авиации и зенитной артиллерии, стояли на охране нефтяных районов Грозного и Баку. Только однажды немецкие бомбардировщики прорвались к Грозному, да нескольким самолетам-

разведчикам удалось добраться до горных районов. Нефтяные вышки Баку спокойно работали, снабжая армию так нужным ей горючим.

Битву за Кавказ выиграла Красная Армия. После пяти месяцев тяжелых оборонительных боев она остановила врага в предгорьях Главного Кавказского хребта, а вскоре и сама перешла в наступление. Была в том и наша доля нелегкого солдатского труда.

1 мая 1944 года Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль "За оборону Кавказа". Весь состав нашего, на две трети женского, батальона был удостоен этой награды.

Есть у меня и еще память о тех днях – листок пожелтевшей бумаги с небольшим стихотворением, которое как-то "сочинилось" на ночном дежурстве, пока молчали телефоны и тревожный сигнал "Воздух!" не заставлял забывать обо всем другом.

... Каспийское море. Дежурства. Бомбежки.

Пилотка. Ремень, сапоги...

Уставшим девочкам поспать бы немножко

И маму во сне попросить: "Помоги!"

Но взвела сирена – тревога. Тревога!

Минуты – и мы на посту боевом.

А завтра, быть может, поспим мы немного,

Коль будет минутка – и песню споем!

Потом была Украина, где наш батальон вошел в подчинение 16 бригады ПВО Харьковского дивизионного района противовоздушной обороны. И вновь мы – часовые неба, ведем разведку воздушного противника, оповещаем о воздушной опасности действующие войска 2 украинского фронта.

В районе Полтавы познакомились с американскими военными летчиками. Около 400 американских бомбардировщиков B-17 ("Летающая крепость") и 150 – 200 истребителей сопровождения выполняли "челночные" рейсы под

кодовым названием “Френтик” (разъяренный). Наши части ПВО прикрывали аэродромы их базирования под Полтавой, Миргородом, обеспечивали их сведениями о воздушной обстановке на маршрутах их боевых вылетов.

Победу мы встретили в Венгрии, где в составе 9 Сталинградского Краснознаменного корпуса ПВО принимали участие в освобождении Будапешта, других городов и сел. Это были тяжелые бои, но у нас за плечами был уже более чем трехлетний опыт нелегкой военной профессии “разведчиков неба”. А на новых, выданных нам перед демобилизацией гимнастерках появилась медаль “За взятие Будапешта”.

Хорошо помню последнее дежурство на радиостанции. Краина Секеморехервара. Землянка. Привычная песня морзянки. Теплая, уже тихая майская ночь. Уже прочитан Указ о демобилизации, и мы укладываем нехитрое наше имущество в вещевые мешки. На рассвете я отрываю на память себе листок для записи радиোগрамм и пишу на нем совсем не боевое донесение:

*Встает над Дунаем луна,
Утихла вдали канонада,
Лишь звуков морзянки полна
Землянка моя возле сада.*

*... А сад расцветает. Ему
Нет дела до этой войны,
До этих солдатских могил
Вдали от родной стороны...*

*Пусть сад расцветает! И здесь,
И там, где далекий наш край!
Луна над уснувшим
Дунаем встает,
Весна сорок пятого.
Май.*

ДЕВУШКА ИЗ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

Вероника Николаевна Пушева работала в Могилевском государственном педагогическом институте (ныне Могилевском государственном университете им. А.А. Кулешова) с марта 1954 года по июль 1981 г. старшим преподавателем кафедры всеобщей истории.

В настоящее время находится на заслуженном отдыхе.

Все казалось прекрасным и восхитительным: закончена школа, не будет больше мучительных для меня уроков по алгебре и геометрии, впереди заманчивая поездка в Москву и встреча с любимым дядей, Третьяковкой, Кремлем, ВДНХ. Конечно, надо готовиться к вступительным экзаменам в медицинский институт или университет, но это ничего, преодолимо, немного отдохну, развеюсь и... подготавлиюсь.

Отец, недавно вернувшийся из отпуска, проездом был у брата в Москве и рассказывал по приезде о том, что в столице идут разговоры о каких-то реформах, серьезно улучшающих жизнь советских людей. Вот-вот об этом будет объявлено. Мы поверили этому, были полны радужных надежд, хотя газеты и радио сообщали о концентрации германских войск на границе, о налетах германских самолетов... Тревожно, но так хотелось верить, что обойдется и все будет хорошо. Увы!

Двадцать второго июня, в прекрасный солнечный воскресный день, мы всей семьей собрались на Кировские острова. Не дождавшись меня и маму, отец уехал первым, а мы не спеша собирались, слушали радио, ожидали любимую всеми ленинградцами воскресную музыкально-юмористическую передачу "Давайте не будем!".

Передача почему-то задерживалась и вдруг из репродуктора раздалось: "Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза! Слушайте все! Слушайте все!". Эти фразы повторили еще несколько раз. А затем последовало выступление Вячеслава Михайловича Молотова, наркома иностранных дел СССР, объявившего о вероломном нападении гитлеровской Германии на СССР. Война! Война? Война!.

Горько всем. Плачет мама, утирает слезы полотенцем, а они все льются и льются. "Не надо плакать, мама! Надо что-то делать." Вернулся папа, поникший и растерянный.

Мы живем в общежитии, и я слышу, как голосят соседки: их мужья и сыновья уже получили повестки из военкомата. Собираюсь и я, родителям сказала, что еду в штаб МПВО. Мы тогда жили на улице Рубинштейна, 34. Это центр Ленинграда. Улица Рубинштейна выходит на Невский проспект около Аничкова моста на реке Фонтанка. На той же улице Рубинштейна, д.5 находился штаб МПВО Куйбышевского района. Вот туда я и иду. Иду, погруженная в свои мысли, почти не замечаю, что делается вокруг, не верю, что началась война. Может быть, это кошмарный сон? Кусаю себя за руки больно-больно. Нет, это не сон, это жуткая действительность. В какой-то момент понимаю, что моя прежняя жизнь, всего час тому назад радовавшая меня, осталась позади, спиной и затылком чувствую какую-то черту, отделяющую меня от прежней жизни.

Ну, вот он дом № 5, вот он, штаб МПВО. Вот она, добровольная медико-санитарная дружина при этом штабе и

вот я, уже сандружинница, остаюсь дежурить вместе с другими дружинниками. Еще учась в школе, я занималась на курсах РОККа (Российское общество Красного Креста), научилась делать перевязки, накладывать жгуты, оказывать первую помощь.

Весь день 22-го июня и в последующие дни приходили девчата-добровольцы, из которых сформирована добровольная медико-санитарная дружина. Выдали нам летние сапоги, комбинезоны, береты и начали обучать оказанию первой помощи в условиях города. С нами занимались военные врачи: Надежда Дмитриевна Гульельми и Ольга Михайловна Миронова, медсестры Александра Смирнова и Оксана Мартынова.

МПВО – местная противовоздушная оборона г. Ленинграда – была сформирована за несколько лет до войны и служили в ней запасные третьей очереди, пожилые уже мужчины. В каждом районе города имелись штабы МПВО, возглавлявшие батальоны своего района. Батальоны состояли из нескольких рот: саперной, пожарной, медико-санитарной, взвода наблюдения и хозяйственного взвода. Нашу медико-санитарную добровольческую дружину передали медсанроте, вместе с которой мы часто проводили тренировки и учения, но много, почти ежедневно, мы тренировались самостоятельно, под руководством врачей и сестер.

Лето было сухим и жарким. Редела нарядная толпа, фланирующая по Невскому. Ушли в армию и училища мальчишки – одноклассники. Вывозили детей, эвакуировались заводы. Все чаще были воздушные тревоги.

А мы все тренируемся, уж, кажется, все знаем, все умеем. Хотим на фронт, а нас не пускают! Бежим в райком комсомола. Нас принимает секретарь, узнаю в нем того, кто в 1939 году принимал меня в комсомол. Помню только его имя – Володя. Володя очень изменился: похудевший,

хозвводом в пригороде, но мы все так были истощены, что еще долгое время нам всем постоянно хотелось есть. Мы все болели дистрофией, цингой.

Как мы служили, чем занимались?

Распорядок жизни – военный: в шесть утра подъем, за – рядка, уборка, туалет, утренняя поверка; в восемь часов утра – завтрак, наряд на работу или тренировки, в 13 ч. – обед, работа или учеба, в 19 ч. – ужин, отдых, поверка, в 20 ч. – отбой, сон.

Этот распорядок соблюдался в те дни, когда не было обстрелов или бомбежек, авральных работ. Мы много учились нашему санитарному делу, тренировались в перевязках, транспортировке раненых и прочем, одним словом, прошли обучение по программе медсестер военного времени. Желавшие прошли полный курс обучения среднего медперсонала и получили соответствующие документы.

Много всякой работы переделали руки девчат МПВО: сколько подвалов очистили от нечистот, в домах по Невскому проспекту привели в порядок канализацию (четная сторона от Литейного до Московского вокзала), очищали трамвайные пути от снежных заносов, сбивали ломами лед на тротуарах и мостовых, разгружали вагоны с бревнами, ломали деревянные дома на дрова в Озерках, Удельном и Шувалово, копали траншеи, пилили бревна на дрова, разгружали баржи.

Но город был в блокаде, это был город-фронт, и таких спокойных дней было мало.

На дальних подступах к Ленинграду фашисты поставили огромные дальнебойные орудия. Били эти страшилища по городу по несколько часов подряд. Как-то летом 1943 года по нашему району стреляли они с четырех часов утра до десяти вечера, не всем в этот день удалось добраться до столовой, хотя бы один раз.

Вот в такие дни и ночи девушкам МПВО было очень много работы, тяжелой и опасной.

Саперная и пожарная роты спасали людей из завалов разрушенных домов. Разрушенные конструкции качаются, вот-вот рухнут перекрытия, а девчата карабкаются вверх, снимают людей с развалин, заливают бушующий огонь. Санрота осматривает пострадавших, перевязывает раненых и эвакуирует их.

Дежурные взвода наблюдения сидят на вышках, поставленных на крыши самых высоких домов. Они ведут визуальное наблюдение за воздушным боем или артобстрелом, по телефону сообщают в штаб о том, куда попали снаряд или бомба. Случалось, что телефонная связь рвалась, тогда необходимые сведения доставлялись в штаб связистками – велосипедистками. Мчится связистка во весь дух на велосипеде, а снаряды рвутся, осколки сыплются дождем... И не всем удавалось добраться до штаба. Случалось, что и вышки сносило ударной волной, или снаряд в них попадал. Не щадили снаряды ни пожарных, ни саперок, ни санитарок. Гибли наши девушки в осажденном Ленинграде, ведь это был город-фронт.

Медсанрота по сигналу тревоги через две минуты всем личным составом оказывалась в боевой готовности. Прикреплены к поясу малые сумки, взяты носилки, вечером и ночью берем фонари “летучая мышь” с синими стеклами, работаем по двое, одеты по сезону. Мы готовы, ждем звонка из штаба. Вот она, команда: “Два звена – на угол улиц Жуковского и Маяковского! Четыре звена – на Владимирский проспект! Три звена – угол Фонтанки и Невского!...”

Носилки в руки, каски на голову и побежали во весь дух. Топ-топ, топ-топ! Скорее, скорее! Ах, как еще далеко бежать, еще и половины пути не прошли. Бежим, задыхаемся, сердце вот-вот разорвется. Бежим! Вот они, наши

раненые. Подбегаем к женщине лет сорок, обе ноги ниже колен оторваны. Льет кровь, женщина в сознании: она все пытается рассмотреть свои ноги, спрашивает, целы ли они! “Бедная ты моя, как тебе не повезло!”, – мелькает мысль в моей голове, а вслух успокаиваю: “Ну, милая, ну, все хорошо будет, не волнуйся! Сейчас перевяжем, и в больницу!”. Быстро накладываем жгуты, кровотечение утихает, перевязываем, кладем на носилки. Перевязаны и другие раненые. Примчалась наша грузовая санитарная машина. С крыла спрыгивает медсестра Шура Смирнова, быстро осматривает пострадавших. Все сделано правильно – но. В путь! Больница недалеко. Шура уже отвезла туда раненых с ближних участков, наш – самый дальний.

Переводим дух, утираем пот и идем в роту. Ждем новых вызовов. По счастью, их сегодня больше нет. Отбой!

Действовала в городе немецкая агентура.

Недалеко и наискосок от нашей казармы помещался городской лекторий. В дни войны, кроме лекций, там проводили различные совещания. Осенью 1943 года собрали в лектории совещание военных прокуроров, и немцы об этом узнали. Около пяти часов вечера совещание закончилось. Прокуроры стали выходить из подъезда, и тут – хлоп! – разорвался снаряд. Наш командир роты Деревянаш тут же отправил несколько звеньев к лекторию. Раненых человек пятнадцать, молодые, цветущие офицеры. Быстро перевязали, кладем на носилки. Смотрят офицеры на нас, таких худеньких, невзрачных, одетых в ватники и ушанки, и просят: “Девочки, дорогие, не уроните! Откуда вы взялись, кто вы такие?” – “Мы МПВО, медсанрота, не бойтесь, не уроним!” Сжав зубы, поднимаем, несем к машине, погружаем. Тяжеленькими оказались прокуроры. Худенькая, невысокая Шура Сахарова несет носилки и говорит, плача: “Откуда таких тяжелых принесло, ведь поднять невозможно!”.

Раненый ей отвечает: “Не плачь, маленькая. Слышали мы про ваше МПВО. Удивительные вы девчата, спасибо всем вам”. Шура опять плачет, растрогали ее эти слова.

А вот был случай, когда ни слова, ни полслова от пострадавших мы не услышали.

Было это в декабре 1943 года. Весь сорок третий год наш батальон тренировался по химзащите, потому что в Крыму в этом году фашисты применили химическое оружие. В жару и стужу, в дождь и слякоть, и днем, и ночью проводились учения в противогазах и химзащитной одежде. Физически переносить эти учения очень трудно: дышать через противогаз очень тяжело, тело не дышит, перегревается, а зимой подошвы ног примерзают к бахилам. И во всем этом облачении нужно ходить, бегать, носить носилки с мнимо ранеными, оказывать им помощь.

В тот вечер, о котором я хочу рассказать, у нас было заключительное занятие в камере обкуривания. Надели противогазы, зажгли шашку с газом – и вдруг слышим взрыв где-то очень близко. Пока разгерметизировали камеру, пока сорвали маски – наглотались газа; чихаем, кашляем, слезы из глаз ручьем. Выбежали на улицу – это был Невский проспект у Аничкова моста. Под ногами стекло, оборванные провода, очень темно, из-за слез почти ничего не видно. Спотыкаемся, падаем, встаем, бежим на угол Невского и Литейного.

На перекрестке Невского и Литейного среди оборванных трамвайных проводов лежит знакомая всей роте девушка милиционер-регулировщик. Славная была девушка, большеглазая, приветливая...

Снаряд ударил в трамвай маршрута №7 на остановке у кинотеатра “Октябрь”. Только что закончился вечерний сеанс, зрители выходили на улицу, спешили к трамваю, всегда подходившему к этому часу. Трамвай – три вагона –

был переполнен ехавшими с работы людьми. Немцы точно знали время прихода трамвая и время выхода зрителей из кинотеатра. В первом и втором вагонах всех уложило наповал, убитые лежали на тротуаре и на мостовой. . . Много было работы в этот вечер: убирали главным образом останки, раненых было не так много.

Но под Ленинградом фашистам приходил конец: 27 января 1944 года блокада была ликвидирована, девятьсот страшных дней остались позади.

Еще один случай из жизни 5-го батальона в 1943 году.

Летом упал снаряд на мостовую на Невском проспекте между улицами Марата и Пушкинской (четная сторона Невского). Упал и не взорвался! Его обезвредили девчата из саперной роты. Три дня длилась эта страшная работа, три дня величайшего напряжения физических и моральных сил.

Звено медсанроты неотлучно дежурило вблизи от места падения снаряда, в один из дней дежурила и я. Издали – посторонних близко не подпускали – видно было, что делают саперки. Снят асфальт, вынут грунт, чьи-то руки из ямы выбрасывают песок, затем показывается голова в шлеме, плечи, туловище, кто-то выползает и в изнеможении ложиться прямо на тротуар. В яму осторожно опускается следующая саперка, наверху остаются командир и еще одна девушка. Когда с большими предосторожностями снаряд вынули и развинтили, оказалось, что взрывчатых веществ в нем не было. Снаряд был набит песком! Значит, кто-то на гитлеровских военных заводах сработал против Гитлера! О таких случаях в войну говорили: улыбка друга. Спасибо тебе, друг! Дожил ли ты до Победы?

В июле 1943 года МПВО была введена в состав Красной Армии. Мы приняли военную присягу, получили красноармейское обмундирование и довольствие. В составе Красной Армии медсанрота пребывала до 27 января 1944 года,

т.е. до снятия блокады. Всех нас, кроме саперов, направили на строительные работы восстанавливать город, а саперы вслед за действующей армией пошли разминировывать освобожденные территории. Это наши девчата очищали от мин Пушкин, Петергоф и Гатчину, а также Эстонию. И здесь гибли и калечились наши подруги.

Весну и лето 1944 года я работала на стройке, осваивала специальность штукатура. Но сказывалась блокада, голод и холод, перенесенные в эти годы. Здоровье мое сильно пошатнулось. В ноябре 1944 года меня демобилизовали по состоянию здоровья. День Победы я встретила штатным человеком. Восстановилась в университете с 1 сентября 1945 года, приступила к занятиям на первом курсе исторического факультета.

Нас, бывших солдат и офицеров, участников войны, было много среди студентов. 1945 – 1947 гг. были холодными и голодными, но учились мы с большой охотой.

Истфак я закончила в 1950 году и была оставлена в аспирантуре. Написала и защитила в декабре 1953 года диссертацию по истории Болгарии, получив ученую степень кандидата исторических наук.

Министерством Высшего образования СССР была направлена в Могилевский педагогический институт и с 18 марта 1954 года стала работать старшим преподавателем на кафедре всеобщей истории исторического факультета. В МГПИ я проработала штатным преподавателем с марта 1954 года по июнь 1981 года, а с июня 1981 года по июнь 1983 года почасовиком.

Хорошо мне работалось в МГПИ, коллектив на кафедре был очень дружный и работающий. Нагрузка у меня всегда была очень большая, но работа была интересная, я любила свою работу, своих коллег и очень старалась передать свои знания студентам. Иногда я им рассказывала о Ленинграде в дни блокады.

Бережно храню медаль “За оборону Ленинграда” и значок МПВО “900 дней блокады”. Награждена юбилейными медалями ко Дню Победы и юбилеям Красной Армии, орденом “Великая Отечественная война” второй степени.

В моей семье – две женщины и трое мужчин. Мы придумали такую загадку: два солдата бывших, два солдата будущих и один офицер запаса, кто из них кто?

Два бывших солдата: Пушева Вероника Николаевна, мать и бабушка; Николаенко Сергей Михайлович, 1960 г.р., зять, муж, отец.

Два будущих солдата: Иван Николаенко, 1982 г.р.; Арсений Николаенко, 1987 г.р.

И офицер запаса: Николаенко Вероника Васильевна, 1961 г.р., выпускница историко-правового факультета МГПИ, лейтенант медицинской службы, дочь, жена, мать.

Воевали: мой свекор Аверьянов Арсений Давидович и свекор моей дочери Николаенко Михаил Никанорович. Работала на окопах под Ленинградом моя мать Пушева Анна Николаевна.

Не хочу я, чтобы наши дети и внуки воевали, но хочу, чтобы они знали и помнили, как защищали свою Родину и их будущее их прадеды, деды и бабушки.

“ПЕЧНИКИ”

Матвей Ефремович Гриценко работал в МГУ им.А.А.Кулешова с 20 октября 1988 г. до 1 октября 2002 г. мастером по ремонту сооружений.

Обычно, услышав словосочетание “участник Великой Отечественной войны”, люди представляют себе человека, жизнь которого была полна героических подвигов, т.е.

человека, встречавшегося лицом к лицу со смертью на передовой. Однако почему-то забывают о тех, кто на передовой не был, но кто, тем не менее, честно исполнял свой долг.

К таким людям относится Матвей Ефремович Грищенко. Его судьба не богата военными подвигами. Встретил войну Матвей Ефремович 13-летним мальчишкой. В 16 лет (1944 г.) вместе с другими парнями, которые не попали на фронт, обучался минному делу. Мечтали, что будут разминировать фронттовую полосу. Однако разминировать пришлось дома в деревнях.

Примечательно, что молодые ребята, входившие в отряды по разминированию, получили прозвище "печники". Их так прозвали местные жители, потому что мины чаще всего находили в печах.

Известно, что сапер ошибается только один раз. Матвей Ефремович помнит такой трагический эпизод. Во время разминирования д. Староселы ребята подорвались на минах. Погибло три человека и трое были ранены. Среди погибших была и женщина (местная жительница). Позже Матвей Ефремович узнал, что таких молодых саперов, как он, было очень много. Немало их и погибло. В декабре 1944 года Матвей Грищенко был призван на действительную службу в ряды Советской Армии; попал в отдельный Краснознаменный Орден Александра Невского батальон связи. Так как обслуживал в основном крупные штабы (штаб армии, штаб дивизии), но непосредственно в боевых действиях участвовать не удалось. Сослуживцы рассказывали, что за все время войны из батальона погибло не более 10 – 15 человек, и то при бомбежках.

Непосредственных контактов (за время оккупации) ни с партизанами, ни с частями немецкой армии Матвей

Ефремович не припоминает. Единственное яркое воспоминание о партизанах – это то, как они спасли деревню от уничтожения, предупредив местных жителей. Когда немцы окружили деревню, там уже не осталось ни одного человека (жителям удалось укрыться в лесу).

Вместе с батальоном Грищенко дошел до Польши, где и оставался до 1948 г. За время пребывания на территории Польши ему больше всего запомнился следующий случай. Это было перед Новым годом. Утром на линии обнаружили обрыв, рядом с которым находились склады, охраняемые польскими полицейскими. По случаю Нового года поляки устроили небольшой салют из ружей, который и повредил провода. Связисты подошли к складу и обнаружили спящих пьяных поляков. Ребята решили подшутить – разоружили поляков. И когда к вечеру охранники проснулись, они долго упрашивали советских солдат вернуть им оружие.

Победу Грищенко М.Е. встретил на посту. Около 4 часов утра к нему подошел разводящий и сообщил радостную новость.

Первыми яркими воспоминаниями послевоенного времени были походы в польские кинотеатры. На фильм “Веселые ребята” было не достать билетов. Там же, в 1946 г. Матвей Ефремович увидел фильм “Знахарь”: впечатление от увиденного вспоминает до сих пор.

В 1948 году часть расформировали. И судьба забросила Матвея Ефремовича в Брест, где он прослужил до демобилизации в 1951 году.

Матвей Ефремович тепло вспоминает отношения между солдатами, сравнивает жизнь в своей части с жизнью в дружной семье.

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Иван Иванович Мартынов работает в Могилевском государственном университете им. А.А.Кулешова с 1.11.1967 г.

Начинал работать старшим преподавателем кафедры математического анализа и алгебры. Работал заместителем декана физико-математического факультета, доцентом кафедры математического анализа. В настоящее время – проректор по заочному обучению.

Каждый человек после определенного возрастного рубежа начинает с высоты прожитых лет производить ре-визию своей прошлой жизни, по-другому оценивать свои действия и поступки. Меня же лично окунуться в подобную работу значительно раньше побудили многие обстоятельства.

... Через тридцать с лишним лет после окончания института встретился с сокурсницей, к которой, мягко говоря, был неравнодушен. В разговорах о жите-бытье замечаю на лице собеседницы сложную гамму чувств и внимательное рассмотрение моей персоны. Поинтересовался – чем вызвано ее состояние и услышал в ответ: “А ты же, оказывается, нормальный человек”. Обескураженный, интересуюсь дальше – в чем проявлялась моя “ненормальность?” “Ты был слишком взрослым и правильным в студенческие годы, это настораживало” (на курсе был самым младшим студентом – пошел в школу на год раньше). Наверное, не моя вина, что я и мои собратья по несчастью, едва родившись, сразу стали взрослыми и по уровню мышления, и по поступкам. Виною всему

проклятый фашизм, из-за которого приходилось и приходится страдать и носить незаслуженные характеристики. Но об этом все по порядку.

Родился я на территории Литвы в концлагере Димитравас 2-го января 1942 года. От верной гибели нас спасали простые литовские жители, которые, задоблив охрану, передавали необходимые медикаменты, продукты, вещи. Когда в 43-м году нас вывозили в Германию, литовские патриоты, рискуя жизнью, сумели подменить списки, документы, и мы перестали существовать как члены семей командиров Красной Армии. За одну ночь мы стали литовцами и... вместо крематория в качестве тягловой силы попали к графу.

В этих трудных условиях нам помогал выжить поливаемый теперь грязью интернационализм, соборность славян. Вспоминается такой эпизод. Я ушел из барака, в котором на день под присмотром единственной дежурной оставалось более пятидесяти детей. Велико было желание увидеть маму, которую рано утром выгоняли под охраной на работу. Мне было немногим более трех лет, но я сумел пройти только метров триста и спуститься по не большой лестнице к дороге. Обессиленный, теряя сознание, упал в грязь. На счастье, в это время вели на работу колонну пленных. Кто-то снял свою верхнюю одежду, заботливо укрыл, согрел и тем самым спас меня. Возвращавшаяся поздно вечером с работы мама материнским чутьем обнаружила меня.

Кто мой Спаситель? – Русский? Узбек? Татарин? Твоего имени и национальности я не узнаю до конца своих дней. Да разве в этом главное? Тепло твоего сердца согревает меня постоянно.

Возвращение на Родину избавило от страданий физических, но не моральных. Считается, что ребенок ничего

не помнит. Младенческая память чиста. Наука этого не подтверждает. Все, что происходит на глазах ребенка, он запоминает сердцем, подсознанием, и такая память сильнее памяти рассудка. Подсознанием ребенок усваивает в десятки тысяч раз больше информации, чем на сознательном уровне. "Сознательную" информацию можно забыть, подсознательная у человека постоянна и она управляет сердцем и душой, и она же определяет многие поступки людей. Не включая в рассмотрение подсознательную сторону психики человека, трудно понять и оценить его поступки.

Скажу о себе. После войны часто болел и, находясь в больнице, не хотел надевать пижаму, которая в ту пору была серая и полосатая. Когда надевал пижаму, мои ощущения были таковы, что как будто на меня надели что-то горящее. Естественно, пижаму сбрасывал. Врачам не мог объяснить причину своих поступков, а они не могли понять мотивов моего поведения. Больного ставили на место. Теперь, если требуется посетить врача, я долго себя убеждаю. Но чаще всего оттягиваю визит до последнего момента. (Имел инвалидность, но оскорбления и унижения при перекомиссии побудили отказаться от нее.) Боюсь нарваться на хамство и получить очередной рубец на сердце; пугает также, что усилиями СМИ к узникам сформировалась агрессивная зависть из-за призрачных выплат Германией – об этом речь впереди.

Могли бы быть у меня серьезные проблемы и в школе. Но мне повезло, как не многим узникам, что я учился в сельской школе. По физиологическим параметрам обязан был сидеть за первой партой. Но там я чувствовал себя как на горячей сковороде (реальное событие из моей жизни пребывания в неволе). Успокаивался только, когда отвоевывал право сидеть на последней парте. Мое поведение, очевидно, определялось тем, что расстреливали нас

в затылок, и что пинки сапогом мы получали сзади. Ко мне опасно заходить с тыла, затылком я чувствую человека на дальнем расстоянии, поэтому неуютно чувствую себя в толпе, в шумной компании, нормальное состояние – одиночество.

Обучался с восьмого класса в другой школе, и там мое рабочее место было на последней парте. В сельской школе учителя хорошо знают школьников и, наверное, многое мне прощали и жалели меня. И теперь, хоть с опозданием, я хочу сказать слова признательности своим учителям. Пусть в первой моей школе, может быть, некоторым учителям неоставалось профессиональных навыков, но своей теплотой, любовью к детям они спасли поколение детей-подранков.

Иван Тихонович Ковалев, директор семилетней школы, видя мои зимние мучения, когда пошел в другую школу за 7 километров, принес школьные лыжи и сказал: “Они тебе нужнее”. Верой и правдой служили мне лыжи три года, и так случилось, что в последний день, когда всю потекли ручки, они сломались.

Владимир Иванович Черненко – учитель-филолог по базовому образованию, преподавал нам физику. Об уровне преподавания может служить тот факт, что автор этих строк является кандидатом физико-математических наук. Владимир Иванович своим профессионализмом мог увлечь любого ученика, знал наизусть “Евгения Онегина”. Занимался со мной дополнительно для повышения моей языковой подготовки.

Алексей Архипович Мазаник – институтский учитель, а затем я долгие годы работал на кафедре под его руководством. Сколько сил и времени он потратил на передачу мне (и не только мне) своего богатейшего педагогического опыта! Не удостоенный научных званий и степеней, он пользовался непререкаемым огромнейшим авторитетом у

учителей. “Ученые” завистники простить ему такое не могли.

Своего научного руководителя, Юрия Станиславовича Богданова, я считаю своим духовным отцом. Своими научными достижениями всецело обязан ему. Сам прошедший через фашистские и сталинские лагеря, человек огромной интеллектуальной мощи, высочайшей культуры, он тщательно оберегал меня от желающих “выправить” мое поведение. С годами это ценишь все больше.

Малолетние узники уходят в мир иной, но свою боль оставляют – завещают потомкам. У меня, например, подрастают два внука, и я постараюсь воспитать их не гражданами мира, а патриотами своей республики. Простить – не означает забыть.

БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ...

Марат Тимофеевич Кузнецов работает в МГУ им. А.А. Кулешова со 2 октября 1985 года – старшим преподавателем, затем профессором кафедры основ медицинских знаний.

Есть у Сергея Есенина мудрые строки: “Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии”. Не только ранее не замечаемое нами прекрасное вдруг высвечивается во всем своем величии, но и трагическое сквозь призму времени оборачивается вдруг гранями,

причиняющими боль, которая давно должна была бы притупиться, уйти в небытие...

У детей особая память, в которой события и люди запечатлеваются ярко и навсегда. Драматическими превратностями судьбы и причудливо-магическими символами обозначились для меня годы Великой Отечественной войны.

А начиналось все, как в хорошем кинофильме. Лето. Пионерский лагерь. Игры, соревнования, песни у костра, новые друзья... И я, обычный минский школьник.

Смена в пионерлагере "Дрозды" под Минском должна была закончиться 24 июня 1941-го года военной игрой и традиционным костром. А потому, когда наши родители в день начала войны приехали нас забрать, детей им не отдали, уверяя, что все образуется, а немцев, дескать, едва ли не шапками закидают на их же территории. Сейчас это кажется непостижимым: из Минска лихорадочно эвакуировалось заводское оборудование, вывозились документы, а про целый пионерлагерь... забыли. Хотя было обещание взволнованным родителям эвакуировать детей в организованном порядке. Ведь многие из них, ставшие, как мой отец, членами аварийно-спасательных команд, не могли самовольно оставить предприятия и уж тем более – город.

Мы плакали в своем лагере по ночам. Потом грянул голод. Наиболее смышленные воровали на полях молодую картошку и ели ее сырой, удивляясь, что она может быть вкуснее яблок. Ближе к зиме голод погнал нас попрошайничать по ближайшим деревням, но скоро и там перестали подавать. Мы обжигали в печках случайно найденные кости, обглаживали с них коричневый нагар – и это казалось деликатесом.

Мне не повезло: я обморозил ноги и на всю зиму слег в изолятор. Началась гангрена. Почерневшие и разла-

гающиеся пальцы пытались грызть по ночам мыши и крысы. Оперировать меня было некому. Но я чудом выжил, лишившись пяти пальцев на ногах.

К лету 42-го детей перевели в детдом Острошицкого Городка. Здесь был свой уклад. Маленькие и слабые попадали в разряд покорных понукаемых рабов. Сильные — выбирали себе прислужника, который угождал, передавал секреты недругов и т. д. Воспитатели бывали разные, но большинство походило на директора, который делал обход палат, засунув руку в широкий карман френча. В его кулаке была зажата плеть в виде резинового шланга, и он обрушивал ее на голову и плечи провинившейся жертвы. Среди более чем сотни детдомовцев вряд ли остался хотя бы один, кого обошла “воспитующая” директорская рука.

Два года жизни в Острошицком Городке — а в иерархическом строе детей я был где-то между слабаками и средними — запомнились неимоверной вшивостью, особенно докучавшей и угнетающей зимой. По вечерам, когда после натопленных на ночь печей в палатах становилось относительно тепло, дети сбрасывали с себя белье и с помощью огня лучины или шнуров электропроводки выжидали из складок паразитов. Пропаливших белье неизбежно ожидала директорская экзекуция.

Основным блюдом на обед были постные щи из квашеной капусты. Лишь в редкие дни можно было полакомиться такими же постными перловым супом или затиркой из ржаной муки. Летом было полегче: выручали лес и подсобное хозяйство.

Весной 44-го — даже не слухом, а каким-то чутьем — мы почувствовали близость освобождения. Но не дождались... В один из майских дней на территорию детдома въехал большой автобус. Под предлогом перевода в минский детдом, в него загнали всех детей старше одиннадцати лет.

Автобус остановился на железнодорожной станции у товарного состава. Его площадка была окружена цепью вооруженной охраны, а из распахнутых вагонов выглядывали такие же дети, как мы, угоняемые в Германию. Через несколько минут загнали в вагон и нас, зачитали краткое наставление и посулили хорошую жизнь в Германии. Но мы, беспризорные дети войны с обостренным чувством опасности, в это не верили.

Где-то на границе с Германией нас высадили в небольшом городке Фалькенберге. Разместили в лагере типа спортивного городка, прикомандировав к русскоязычному офицеру. Нас обучали маршировать строем. При этом предлагалось петь советские строевые песни. Смысл этих занятий прояснился через несколько дней: немцы обрабатывали нас психологически, испытывали на возможность сотрудничества. Мы взбунтовались, после чего от сносной кормежки и не очень обременительных строевых занятий нас вновь посадили на голодный паек. А со старшими ребятами проводились загадочные для остальных индивидуальные занятия. Словом, вербовка.

В качестве последнего средства воздействия нам объяснили, что отказавшихся сотрудничать с немцами ожидают самые страшные концентрационные лагеря. Но нас просто распродали, как рабов, хозяевам фабрик и заводов.

Я оказался в группе из шести сверстников, которых высадили в небольшом городке Мунстер, поместив в многонациональный лагерь за колючей проволокой. Режим жизни был сравнительно мягким: подъем в 6 утра, поворочное построение, которое проводил старший по зоне полицай — украинец. Затем “завтрак”: из пищевого блока на каждую секцию барака выдавалось несколько литров “кофе” из жженого ячменя. Предполагалось, что напиток идет в качестве подспорья к хлебной пайке в 200 – 250 граммов

на ужин. Сам же ужин состоял из брюквенной похлебки. И лишь по воскресеньям выдавалось 5 — 6 небольших картошек, политых пахнувшей чем-то мясным жидкой, подливкой. Обед не было ни в лагере, ни по месту работы, которая продолжалась до семи вечера. Как выживали на таком рационе взрослые мужчины, среди которых случались голодные обмороки, мне до сих пор непонятно. Очевидно, от смертельно опасной дистрофии спасало только то, что иногда по воскресеньям им разрешалось уходить из лагеря на вольные заработки.

Дети регулярно совершали походы на свалку городской скотобойни, где разживались коровьими копытами, которые использовали для холодца. Подкармливали нас и французские военнопленные, чей лагерь находился в километре от нашего.

Меня определили подсобным рабочим в столярный цех лесопильного завода, принадлежавшего местному фашисту Мюллеру. В 1944 году он еще щеголял в традиционной черно-коричневой форме со свастикой на рукаве. Восседавая на велосипеде, грузный и тяжело сопящий, он перегонял меня по субботам, а иногда и в другие дни, еще и к себе на усадьбу. Перегонял — потому что я должен был бежать за велосипедом хозяина в башмаках на толстой деревянной подошве. На гулкий звук сбегались немецкие мальчишки, бежали следом за мной и восторженно кричали: "Русская свинья!".

Работа на усадьбе у шефа была несколько привлекательнее, чем на заводе. Здесь можно было тайком поживиться овощами и фруктами. Иногда от служанки мне перепала пара картошек в мундирах, что варились для свиней. Стыд и голод всякий раз боролись во мне, но голод неизбежно побеждал.

Война была на исходе. Немцы становились помягче. Однажды в день Пасхи ко мне была проявлена особая

милость: секретарша шефа пригласила за сладкий стол вместе с немецкими работниками. Я был ошарашен таким предложением, но тут же категорически отказался, убежал, спрятался в самом темном углу сушильного склада и долго плакал. “Гады, гады! – повторял я сквозь слезы, – знают, что им скоро капнут, вот и решили сжалиться...”. Я и мысли не допускал, что приглашают меня за свой общий стол из искреннего сострадания к моей судьбе.

Дети отвыкли от ласки, души их ожесточились. Я не понимал этого в самом себе, но замечал, что в среде сверстников и товарищей по несчастью шла жестокая борьба за существование. Отзвуки воспитания военной жизнью проявились во мне в послевоенные годы: я не прощал учителям в школе ни одного промаха, ни одной нанесенной не только мне, но и любому другому ученику обиды. Это защитное ожесточение прошло только в годы зрелости.

Моя судьба сложилась вроде бы вполне благополучно. В последний день войны, во время бессмысленного налета союзной авиации на лагерь, я получил тяжелое осколочное ранение в голову. Почти двухмесячное лечение по госпиталям. Потом фильтрационный лагерь в советской зоне. В родной Минск я вернулся лишь в начале сентября 1945 г. Подался на улицу, где жил до войны, но нашел там лишь пепелище. Дальше – перст судьбы! 3 сентября, в День Победы в войне с Японией, я случайно встретил родителей на улице. После “отдыха” в “пионерлагере” длиною в четыре года...

Смогла ли моя послевоенная жизнь стереть из памяти то, что было в эти четыре года? Конечно, нет. И через всю мою прожитую жизнь красной нитью прошли лишения и страдания ребенка войны вдали от родных и близких. “Большое видится на расстоянии...”.

НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ

Наталья Германовна Савич работает в Могилевском государственном университете имени А.А. Кулешова техничкой с 16 мая 1994 года по настоящее время.

Война для меня – это голодное детство, трудная юность, потеря близких и родных. Огненным шрамом прошла война по моей судьбе. Сколько уже лет прошло с тех пор, но по-прежнему я не могу без слез и боли вспоминать военное время.

Мы с мамой жили в Брестской области, в местечке Микашевичи. Отца я не помню, он умер почти сразу после моего рождения.

Когда началась война, мне было 12 лет. Мама ушла к партизанам, а я осталась одна.

У нас в деревне был огромный клуб с пристройкой. Там и разместились немецкие оккупанты. Однажды, во время просмотра немецкого фильма, взорвалась бомба, подложенная работником клуба. Погибло много немцев. Отомстить они решили по-своему. Подготовили гумно, обложили его соломой и приказали всем жителям собраться. Все догадались о намерениях фашистов и бросились врассыпную. Но это не помогло, нас все-таки собрали вместе.

Спасла нас переводчица Вера Жарская. Она уговорила немцев не сжигать жителей деревни, ведь в гибели их соотечественников не виноваты старики и дети, а виноват один человек. Тогда они нас, детей и подростков, отправили на работу в Германию. Кто-то из ребят попал на немецкие заводы, а я оказалась в концлагере в г. Гамбурге.

Жили мы в дощатых бараках. Кровати, если их так можно назвать, стояли по периметру в 3 этажа. Многие дети болели и не вставали. Помню, какая страшная вонь там стояла. Один раз в день давали похлебку и кусочек хлеба. Похлебка на вид была такой отвратительной, что страшно было ее кушать. Но мы ели, т.к. всегда были голодные. Голод толкал невольников на такие поступки, о которых сегодня страшно и вспоминать. К примеру, если кто-нибудь словит мышь, то из-за нее была драка: все хотели ее съесть. Некоторые дети грызли умерших.

Да, это ужасно, но так было. От голода лицо, руки, все тело отекало. Я помню, как часто умирали люди.

Сегодня многим кажется, что все немцы в войну были извергами и садистами. Но немцы были разные. Некоторые нас жалели и подкармливали шоколадом. Мне кажется, что ничего вкуснее я в жизни не ела. А один немец, проходя мимо, толкнул меня, я ударилась и о стекло порезала голову. До сих пор у меня на этом месте не растут волосы на голове.

... Таким было мое военное детство, которое я никогда не забуду.

ЖИЗНЬ В НЕВОЛЕ

Наталья Ивановна Ковалева работает в МГУ им. А.А. Кулешова техничкой с 22 августа 1955 года по настоящее время. За добросовестную работу Наталья Ивановна награждалась грамотой, ценным подарком, ей неоднократно объявлялись благодарности.

Когда началась война, мне было 13 лет, я закончила 4 класса. Во время войны документы были сожжены, и при их восстановлении мне неверно была записана дата рождения.

Наша семья жила в деревне Кардеево Горецкого района, нас было 12 детей.

Немцы появились у нас в конце июня или в начале июля 1941 года. Сразу же начали грабить, заняли лучшие дома, выгнав оттуда людей и вынудив их жить в подвалах, сараях. Нередко устраивались облавы, чтобы молодежь отправлять на работы в Германию. Два раза и я попадала в такие облавы, но мне с подругами удавалось убежать. Помню, что второй раз, когда нас схватили, то загнали в соседнюю деревню Коровчино, поместили в две большие хаты и заперли. Сговорившись между собой, я и мои подруги раненько утром убежали через чердак. Добежав до соседней деревни, вошли в первую хату. Хозяйка спрятала нас в погреб. Не помню, сколько времени мы там просидели. Слышали, как в дом зашли два полицая, спрашивали про нас. Вечером, когда начало смеркаться, сын хозяйки, мальчик лет девяти, привел нас домой.

Два месяца мы жили, прячась от чужих глаз, но все-таки кто-то нас выдал. К нам домой пришли два немца и полицай, стали спрашивать, где дочь. Мама сказала, что не видела меня с тех пор, как была облава. Когда ее начали бить, я не выдержала и вышла из убежища, которое устроила в кормушке для лошади, в пристройке к дому. Это был конец 1942 года. За несколько дней до наступления Нового года меня и еще 12 девочек из нашей деревни погрузили в закрытую машину, привезли в город, пересадили в вагоны для скота и отправили дальше.

Приехали в Брест, некоторое время мы там работали, а потом нас отправили в Польшу и развезли по разным населенным пунктам. Я попала, кажется, в деревню Серба. Поселили нас всех в гумно. Работали каждый день от зари до темна. Чистили дороги, рыли траншеи, бункера, разгружали машины, вагоны, выполняли другие работы. Особенно тяжело было первое время. Ведь зима, снег, морозы, а многие из нас в лаптях. Кормили какой-то баландой, в которой плавали черви, свеклой, хлебом, в котором были почти одни опилки, а иногда и этого не было.

Помню, мы почти все вдруг ослепли. Кто-то видел чуть-чуть, кто-то совсем не видел, но на работу нас выгоняли всех. Шли, держась друг за друга. После этого нас расселили по хозяевам, но жили мы все равно в сарае. И все-таки стало легче. Хозяйка, чем могла, старалась нам помочь.

Эта адская рабская жизнь продолжалась где-то 10 – 12 месяцев. Однажды, вернувшись с работы, поев и зайдя в сарай, чтобы лечь спать, мы услышали шум, крики немцев, беготню. Спрятались на всякий случай подальше. Немцы зашли в сарай, поискали нас глазами, взяли лошаадь, телегу и ушли. Потом пришла хозяйка и сказала, что немцы поспешно сбежали.

А утром пришли советские войска. На следующий день нас отвезли на станцию.

Мы с девочками встретили нашего односельчанина, который после ранения ехал домой. Вот он и помог нам добраться до своей деревни. Но одна девочка, Аннушка, из соседней деревни, так и осталась в Польше. Она погибла во время бомбежки, а вместе с ней еще две девочки: белоруска и украинка.

МОЙ ВКЛАД В ПОБЕДУ

Виктор Иванович Зайцев работает в Могилевском государственном университете им. А.А. Кулешова 30 лет. Все это время возглавляет кафедру физического воспитания и спорта.

Свой вклад в освобождение от фашизма я оцениваю, как очень скромный. Мне было 10 лет, когда началась война. И мои детские воспоминания о военном времени сохранились в памяти навечно. Мне кажется, что за это время я повзрослел очень быстро, а детство осталось в той мирной, довоенной жизни. Отец ушел на фронт. Мать умерла еще до войны. Работал в колхозе, выполнял любую предложенную работу.

Жили в Рязанской области. Линия фронта проходила рядом. Поля были опустошены взрывами бомб и снарядов. Жители колхоза поддерживали бойцов, чем могли: одеждой, продуктами. За год был вырезан весь скот, чтобы прокормить солдат.

В годы войны нашей семье удалось выжить, не умереть от голода, благодаря тому, что мы держали корову. Она была нашей кормилицей. Из молока делали сметану, творог, сыр и продавали это на базаре. На вырученные деньги покупали одежду, мыло, которое особенно было необходимо, так как в те годы одолевали вши. Кто сейчас поверит, что нам приходилось есть траву, от которой опухло лицо и руки до такой степени, что человека невозможно было узнать... Стыдно вспомнить, но людям приходилось воровать, нет, не воровать, а припрятывать горсть зерна за пазуху, чтобы прокормиться. Этого делать не разрешалось. Женщину, которая собрала остатки колосков с

поля, осудили на 10 лет заключения. Время было жестокое, и за провинности наказывали жестоко.

В колхозе остались женщины, старики и дети. Они и работали. Председателем колхоза была женщина, которая плохо разбиралась в сельском хозяйстве. Фактически руководил колхозом бригадир, который был из раскулаченных крестьян. Но прошлое не давало ему покоя, и именно из-за этого его не выбирали председателем.

По возрасту я не должен был работать, но я был рослым мальчиком, крепкого телосложения, и когда бригадир просил у бабушки отпустить меня, несмотря на его запреты, я соглашался. Интуитивно я понимал, что тем самым я помогаю борьбе с фашизмом, способствую Победе, за которую сражался мой отец.

В колхозе я был передовиком. Несмотря на мой юный возраст, мне доверяли и бригадир, и председатель. Именно они и представили меня для награждения за самоотверженный труд. Я был единственным ребенком из колхоза, который получил медаль "За доблестный труд в Великой Отечественной войне".

Колхозы были небольшие, хлеба для сдачи государству набиралось немного. Однако, когда со всех деревень съезжались с зерном, образовывалась непрерывная цепочка подвод, и сердцу становилось радостней от такого вида.

Тем страшнее было сталкиваться с фашистами. Помнится случай, когда в деревню заехали 25 гитлеровцев на мотоциклах. Это была разведка. Наш бригадир Юмашев был человеком мудрым, и в целях сохранения скота, урожая, да и, наверное, наших жизней, встретил немцев угощением. Из селпо принесли водку, выставили на столы яйца, хлеб и напоили немцев. Когда же они уснули, ополченцам, которые были предупреждены, было легко с ними справиться. Таким образом, благодаря действиям бригадира, с нашей стороны никто не пострадал. Нам же,

мальчишкам, достались трофеи: кому губная гармошка, кому портсигар, а мне достался ремень со свастикой.

Этот ремень я носил, не понимая, что оскорбляю чувства старших, и с ним пришел поступать в комсомол. Меня не приняли. Помогла моя учительница, рассказав о моей награде. Я был принят в комсомол досрочно, мне не было тогда еще 14 лет. Почему же я сам не сказал о медали? Дело в том, что мне было неловко носить ее и говорить о ней, так как мне никто не верил, что она моя, ведь я еще был ребенком. А иногда даже смеялись и ругали меня за то, что я незаслуженно ношу медаль. Со временем она потерялась. И никто – ни друзья, ни моя жена – долгое время не знали о ней. Только сейчас я по совету друзей восстановил и медаль, и документы.

Вспоминаю, как в день Победы устроили праздник. Столы вынесли на улицу. Каждый принес продукты, какие мог. Под звуки гармошки пели и танцевали. Эту радость, которая охватила тогда всех, от мала до велика, я никогда не забуду. Это был действительно праздник со слезами на глазах.

А дальше моя жизнь сложилась, как у многих людей моего поколения.

Будучи секретарем райкома комсомола в Красноярском крае, вел организаторскую работу с молодежью, прибывшей на Всесоюзные комсомольские стройки. На территории нашего района строилась Красноярская ГЭС, нефтепровод Омск – Иркутск, железная дорога Ачинск – Абалаково. Наш район был инициатором создания комсомольско-молодежных бригад, звеньев и ферм. Все это – тоже часть моей жизни.

Среди ветеранов войны себя чувствую неловко, так как не принимал участия в военных действиях. Хотя рад, что своим трудом помогал борьбе против фашизма. И, может быть, именно краюха хлеба из собранного мною зерна уберегла кого-то от смерти.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
Всем смертям назло.....	6
Ушел на фронт мальчишка.....	8
Я родился, чтобы жить.....	10
Боевое прошлое.....	13
Дни до Победы.....	16
Тяжелые годы войны.....	21
Воспоминания о войне.....	47
Её звали Аня.....	52
Войной опаленная юность наша... ..	55
Девушка из блокадного Ленинграда.....	61
“Печники”.....	72
Память сердца.....	75
Большое видится на расстоянии... ..	79
Никогда не забуду.....	85
Жизнь в неволе.....	86
Мой вклад в Победу.....	89

Учебное издание

**ЭТОТ ДЕНЬ
МЫ ПРИБЛИЖАЛИ, КАК МОГЛИ...**

Сборник воспоминаний
участников
Великой Отечественной войны

Технический редактор *А.Н. Гладун*
Компьютерная верстка *В.С. Маляко*
Корректор *А.А. Черная*

ЛВ № 384 от 07.02.2001

Сдано в набор 17.04.2003. Подписано в печать 21.04.03. Формат 60x84¹/₁₆

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Rodeo.

Усл. – печ. л. 5,4. Уч. – изд. л. 4,1. Тираж 80 экз. Заказ № 207

Учреждение образования "Могилевский государственный университет
им. А. А. Кулешова", 212022, Могилев, Космонавтов, 1

Напечатано на ризографе полиграфического отдела
МГУ им. А.А. Кулешова, ЛП №281 от 07.02.2001
212022, Могилев, Космонавтов, 1